
П.А. Ореховский

ПОСТПРАВДА:
КАК ЭКОНОМИСТЫ
КОНСТРУИРУЮТ РЕАЛЬНОСТЬ

Москва
Институт экономики РАН
2026

Рецензенты:
д.э.н. В.В. Вольчик,
д.э.н. А.А. Мальцев

П.А. Ореховский. Постправа: как экономисты конструируют реальность: Научный доклад. – М.: ИЭ РАН, 2026. – 58 с.

ISBN 978-5-9940-0805-8

В докладе представлено описание части основных подходов, используемых экономистами для конструирования поведения реальных экономических объектов, охарактеризованы методы формальной и диалектической риторики, позволяющие добиваться высокой степени правдоподобия полученных «экономических миров» по Р. Сагдену. Расцвет экономической науки связан с периодом становления и дальнейшей эволюции индустриального общества, в рамках которого был сформирован концепт среднего класса, представления о равенстве гражданских прав, социальной однородности и легитимности политического режима, основанного на «научном подходе» (сциентизме). К концу 1970-х годов, после начала четвертой промышленной революции, средний класс начинает «размываться», вместо устойчивого электорального большинства формируются хрупкие коалиции групп, представляющих различные социальные меньшинства. «Поле» экономической науки в условиях фрагментации структурируется в соответствии с распределением символической власти по П. Бурдьё. Применительно к России эту трансформацию показывает в своих работах Н. Шматко. Исследовательские стратегии, связанные с изменением способов обсуждения имеющихся проблем, представляются «постправдой» по С. Фуллеру. Новые теоретические концепты становятся социальными практиками через процедуры реификации. Так появляются «оранжевая» и «информационная» экономика, «зеленая энергетика», «безусловный базовый доход».

Ключевые слова: субъективизм, социальное конструирование, понятие экономического, промышленные революции и фрагментация экономической науки, формализация как стиль, диалектический метод, российская экономическая мысль в XXI веке, постправа (постистина), дискурсы экономической науки, реификация.

Классификация JEL: B41, B50.

Orekhovsky P.A. Post-Truth: How Economists Construct Reality: Scientific Report. – M.: Institute of Economics RAS, 2026. – 58 p.

This paper presents a description of some of the key approaches used by economists to construct the behavior of real economic entities and characterizes the methods of formal and dialectical rhetoric that enable a high degree of plausibility in the resulting «economic worlds», as R. Sugden puts it. The rise of economic science is associated with the formation and subsequent evolution of industrial society, which saw the development of the concept of the middle class, notions of equal civil rights, social homogeneity, and the legitimacy of a political regime based on a «scientific approach» (scientism). By the late 1970s, following the onset of the Fourth Industrial Revolution, the middle class began to «erode», and fragile coalitions of groups representing various social minorities formed in place of a stable electoral majority. In a fragmented world, the field of economics is structured according to P. Bourdieu's distribution of symbolic power. N. Shmatko demonstrates this transformation in the context of Russia. Research strategies associated with changing the ways in which current problems are discussed are referred to as «post-truth» according to S. Fuller. New theoretical concepts become social practices through reification processes. This is how the «orange» and «information» economies, «green» energy, and «universal basic income» emerge. Russian economists are among the key players in domestic innovation and creators of the new reality.

Keywords: subjectivism, social construction, concept of economic, industrial revolutions and fragmentation of economic science, formalization as a style, dialectical method, Russian economic thought in the 21st century, post-truth, discourses of economic science, reification.

JEL Classification: B41, B50.

© Ореховский П.А., 2026
© Институт экономики РАН, 2026
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Введение: немного о философии и предпочтениях экономистов	5
Материалистическая интерпретация фрагментации реальности	12
Основные правила конструирования онтологий. Модернизм как стиль... ..	19
Неформальное конструирование: диалектика и трансакционные издержки.....	27
Экономическая наука как социологическое «поле». «Постправда» по С. Фуллеру.....	34
Реификация и «слепые пятна» новых реальностей	43
Необходимая ремарка. Почему данная работа относится к жанру «постправды»?.....	47
Заключение	49
Литература	53

*Памяти Ольги Борисовны Кошовец
(1972–2023)*

ВВЕДЕНИЕ: НЕМНОГО О ФИЛОСОФИИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯХ ЭКОНОМИСТОВ

В 2018 г. известный российский теоретик В.Л. Тамбовцев, выступая на Леонтьевских чтениях в Санкт-Петербурге, отметил: «Уверен, что все помнят заголовок предисловия Владимира Сергеевича Автономова к переводу книги Марка Блауга “За что экономисты не любят методологов”. В нем, с моей точки зрения, имеет место явное приукрашивание действительности. Дело в том, что любят / не любят ... — это значит, что экономисты все-таки как-то к методологам *относятся*. Действительность куда мрачнее: экономисты *безразличны* к методологам, методологи им неинтересны. Поэтому более точным мне представляется заголовок статьи Бруно Фрея: “Почему экономисты не обращают внимания на экономическую методологию”» [Тамбовцев, 2018. С. 104–105]. Я согласен и с Тамбовцевым, и с Автономовым в том, что экономисты не рефлексируют по поводу того, каким образом они осуществляют свои исследования. Но далее наши оценки расходятся — Тамбовцев предлагает развивать *эмпирическую* методологию экономической науки, я же полагаю, что задачей методологов является понимание и описание того, что и как пишут экономисты, а не попытки им что-то доказывать и/или подсказывать. Чем меньше экономисты обращают внимания на философов, тем лучше для последних.

В силу указанного отношения между методологами и экономистами мне трудно сказать, какой именно философской системы придерживаются экономисты, и не только зарубежные, но и род-

ные, российские. С некоторой натяжкой можно утверждать, что в России часть экономистов старшего поколения ответила бы, что они — материалисты, а те, кто помладше — позитивисты в духе К. Поппера; те же, кто еще младше, затруднились бы с ответом. Или вообще возмутились тем, что их об этом спрашивают¹. Но, во всяком случае, выделение объекта и предмета исследования является в России легитимной научной практикой. И хотя в современных паспортах ВАК это требование исчезло, но во многих отечественных статьях сохраняется картезианство и в явном виде выделяется объект исследования. Естественно, что сам исследователь при этом ощущает себя *субъектом*.

Экономисты, даже придерживающиеся материалистических взглядов, анализируют институты как *объект*, не останавливаясь на проблеме онтологии *нематериального*. В этом отношении «основной вопрос философии» о первичности материи или сознания, поставленный в свое время Ф. Энгельсом [Энгельс, 1983], давно потерял свою остроту — кто-то начинает анализ с институтов и переходит к технологиям и уровню дохода, кто-то делает наоборот. Собственно, разница между материалистами и идеалистами в том, что обычно первые начинают анализ эндогенных причин, обуславливающих состояние экономики, а вторые — с экзогенных (к последним относятся и институты). Г. Харман называет свою философию объектно-ориентированной онтологией, а используемый метод — стратегией «двойного срыва»: подрыв — когда анализ двигается в сторону внутренних причин, и надрыв — когда в сторону внешних [Харман, 2018]. В СССР такой подход был известен под именем системного анализа [Акоф, 1985; Мусеев, 1981]. Исследователи абстрагировались от вопроса о материальности тех или иных элементов *системы*, описывая закономерности ее поведения. То же самое делает и Харман на примере истории голландской Ост-Индской компании. Другая характеристика объектно-ори-

-
1. Как показывает относительно недавнее исследование А.А. Мальцева, экономисты не интересуются не только философией, но и идентификацией себя с той или иной «школой»: «Я не выбираю — я просто делаю исследование», — написал один из участников опроса. «Деление не имеет практической пользы», — констатировал другой респондент. Наверное, далеко не случайно многие авторитетные исследователи уже не первый год пишут о том, что «деление экономистов на лагеря есть бесплодное занятие... все мы экономисты» [Мальцев, 2018. С. 141].

ентированной онтологии — *имматериализм*, поскольку вопрос о материальности объекта теряет какое-либо значение.

Идеализм, материализм, имматериализм — различные варианты основного, наиболее респектабельного философского направления — реализма. Главное его свойство — признание независимости реальности объекта от сознания субъекта. О.Б. Кошовец, сотрудник сектора философии и методологии экономической науки Института экономики РАН, медик по первому (незаконченному) образованию и философ по второму (законченному) была убежденной *реалисткой*².

В свою очередь, если рассматривать философию как систему взглядов, которую каждый человек выбирает по принципу удобства пользования, меня в свое время стал занимать вопрос, а *зачем* экономистам, да и представителям других социальных дисциплин, такой объект (реальность), который *не зависит от их сознания*.

Первый ответ был связан с тем, что альтернатива в СССР связывалась с солипсизмом епископа Дж. Беркли, ошельмованным в известной работе В. Ленина [Ленин, 1958]. В результате признание в собственном субъективизме в советское время грозило началом пути в психушку. Впрочем, как указывает Б. Латур, и сейчас дело обстоит ненамного лучше: «Если вы вежливо возразите, что именно та легкость, с которой ученые переходят из мира социального в мир внешних фактов, та непринужденность, с которой они осуществляют импорт-экспорт научных законов, и та скорость, с которой они конвертируют человеческое в объективное, доказывают, что между двумя мирами нет существенного разрыва и что речь идет о ткани без швов, то вас обвинят в релятивизме; заявят, что вы пытаетесь дать “социальное объяснение” науки; обнаружат у вас пугающую склонность к имморализму и, возможно, прилюдно спросят,

2. «Основные интуиции, связанные с пониманием реальности, воспроизводят: 1) это то, что самостоятельно, т.е. существует (воспроизводится) вне актов познания и действий субъекта (вне его знаний); 2) самостоятельные фрагменты реальности воспроизводятся как нечто, что позволяет считать их вещами (от лат. res — вещь), т.е. объектами; 3) в реальности всегда много различных объектов (объективаций) и субъектов (субъективаций), которые взаимодействуют между собой, т.е. это сложная совокупность взаимодействий...» [Кошовец, Фролов 2013. С. 27]. Это определение можно сравнить со следующей субъективистской трактовкой: «Дать определение реальности — значит внести вклад в ее реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует...» [Сэмюэлс, 2015. С. 24].

верите ли вы в реальность внешнего мира и готовы ли броситься с пятнадцатого этажа, поскольку законы притяжения также “социально сконструированы”» [Латур, 2024. С. 26].

Второй же мой ответ – естественно, субъективный – заключается в том, что экономистам (впрочем, как и большинству людей) *нравится* быть объективными. Отчасти это логично вытекает из самого понятия *экономического*, основанного на различении доходов и затрат. Простая модель экономической реальности – модель стимулов и санкций – основана на следующих основных допущениях:

- экономические акторы рациональны, могут соизмерять доходы и издержки;
- они позитивно реагируют на стимулы, позволяющие увеличить выгоды, и негативно – на санкции, которые увеличивают потери;
- они заимствуют образцы успешного поведения и извлекают опыт из чужих неудач.

Такая модель для исследователя обладает множеством привлекательных характеристик. Остановлюсь на части из них:

- 1) верифицируемость и высокая адаптивность (можно пробовать разные стимулы – санкции, наблюдая за результатами);
- 2) забота об общественном благе – респектабельность экономической профессии;
- 3) высокая общность – в ее рамках можно анализировать поведение индивидов, фирм, отраслей, городов и регионов, различных секторов. При этом поведение акторов легко формализуется, доступна эконометрическая проверка;
- 4) простота и доступность для публики

В свою очередь, экономист-исследователь находится *за пределами* этой модели. Его положение можно сравнить с ролью дрессировщика, пытающегося обучить акторов нужным способам поведения. Естественно, что такой подход многократно критиковался теоретиками, внесшими свой вклад в методологию экономической науки. Эта критика широко известна, и часто цитируется, и также систематически игнорируется (полностью в соответствии с приведенной выше цитатой В.А. Тамбовцева):

- 1) «объективизм» экономистов критиковался с разных сторон – К. Марксом, который указывал на «классовый характер» политической экономии своего времени [Маркс, 2011], Й. Шумпетером – за попытки экономистов игнорировать собственные идеологические предубеждения [Шумпетер, 2012]. Положение «дрессировщика», который полагает, что он умнее, чем актеры, Х. Зиберт ехидно назвал «эффектом кобры» [Зиберт, 2005];
- 2) в модели не учитывается почти всегда присутствующее противоречие между «краткосрочной» и «долгосрочной» рациональностью. В длительном периоде всеми приветствуется альтруизм, честность и инвестиции в НИОКР, а в краткосрочном периоде экономисты ищут механизмы защиты от оппортунизма, асимметрии информации и «обдирания активов»;
- 3) рациональность индивидов неправомерно отождествляется с рациональностью коллективных акторов – в свое время М. Олсон (и не только он) показал, что вместо «классов» действуют малые группы [Олсон, 1995]. Коллективы могут действовать безрассудно, двигаясь к краху организации, но одновременно помогая управляющей верхушке извлекать ренту из такого иррационального поведения – о чем много раз писали и поведенческие экономисты.

Несмотря на эти возражения, субъективистская философия намного менее удобна для использования в экономических исследованиях. Очевидно, она обладает следующими неустраиваемыми недостатками:

- 1) отрицание картезианского разделения на субъект и объект означает, что исследователь становится частью собственного эксперимента, включаясь в сеть акторов и актантов по Б. Латуру [Латур, 2014]. Социальная обусловленность научных законов означает следование методологическому анархизму П. Фейерабенда [Фейерабэнд, 2007]. Так, например, то обстоятельство, что подброшенные вверх предметы упадут на землю, было известно людям задолго до И. Ньютона, но приписывать это обстоятельство действию силам *гравитации* античным философам не могло прийти в голову;

- 2) факты при этом рассматриваются в соответствии с этимологией этого слова как «сделанные», искусственные феномены. Это повод для сомнений, но не доказательство. Распространенное в русском языке выражение «это медицинский факт» представляет собой оксюморон, означающий высшую степень сомнительности, что, например, показала недавняя пандемия COVID-19;
- 3) исследователь априори не в силах избавиться от идеологических предпочтений, он субъективен. Это, как правило, требует от него соответствующей репрезентации ценностей;
- 4) плюрализм реальности, учитывая наличие различных сетей, в которые включены исследователи, в этом случае является нормой. Вслед за Л. Витгенштейном и его «лингвистической философией» здесь признается, что, в отличие от К. Поппера, слова, используемые в языке, не являются простыми символами объектов, а сам язык имеет собственные законы. В речевом акте, как правило, присутствует перформативность — свойство речи, позволяющее создавать новую реальность, разделяемую или отрицаемую другими субъектами³. Теорию речевых актов в свое время развивали сторонники «лингвистической философии» Дж. Серль и Дж. Остин, выдвинувшие перформативность на первый план. В России же получила большую популярность работа А.В. Юрчака, который рассматривал «перформативный сдвиг», произошедший в сознании и речи советского истеблишмента, как основную причину полномасштабного социально-экономического кризиса и последующего распада СССР [Юрчак, 2014].

3. Естественно, субъективизм этим не исчерпывается, однако нет смысла обсуждать здесь вопросы о том, откуда у человека берется сознание (аналогичный вопрос в идеализме «Кто создал Бога?»), что происходит с большим сознанием и т.п. Возможно, стоит оговориться, что, за исключением солипсизма, субъект признает существование других субъектов, а «реальностью» здесь являются конвенции в отношении, например, экономических феноменов. Для понимания дальнейшего достаточно напомнить теорему Томаса, которая лежит в основе самосбывающихся пророчеств: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» [цит. по: Мертон, 2006. С. 605].

Завершая это краткое введение, следует еще раз повторить, что О.Б. Кошовец отрицала субъективизм, которого придерживаюсь я. Тем не менее мы с ней были согласны в том, что экономисты создают, конструируют реальность и ее объекты, убеждая коллег и публику в их существовании⁴. Этому были посвящены две наших совместных работы [Кошовец, Ореховский, 2018а, б]. При этом, однако, мы расходились в дальнейших исследовательских программах — меня интересовало то, *как именно* экономисты создают реальность, а ее — полностью в соответствии со взглядами большинства отечественных исследователей — какие из сконструированных объектов являются *истинными, существуют как реальность*.

4. «Гуманитарные или общественные науки, и в первую очередь экономика... по существу представляют собой не только эпистемологические, но и социологические явления, связанные с дискурсом. Они представляют собой системы убеждений и способы дискурса» [Сэмюелс, 2015. С. 17].

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФРАГМЕНТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

Реконструкция историками жизни в Средневековье не позволяет ответить на вопрос о «единстве реальности» хотя бы нескольких социальных групп — крестьян, дворян, горожан-буржуа (ремесленников и купцов), профессиональных военных. Я склонен полагать вслед за школой «Анналов» и А. Гуревичем, что в то время люди видели объекты очень по-разному. Экономическая логика тогда не была доминирующей, а культурные стереотипы отличались очень сильно [Либерта, 2025; Гуревич, 2014]. Поэтому «плюрализм реальности» существовал задолго до появления «постмодерна» и «постправды» (тогда последнюю владельцы авторитетного дискурса — церковные иерархи — определяли как «ересь»).

Описание буржуазных революций историками, как правило, создает картину возникновения однородных политических наций, в рамках которых личности обладали одинаковыми гражданскими правами. Это относительно недавние события. Пожалуй, стоит отметить, что уже здесь реконструкция начинает спотыкаться о различие между «этносом» (биологическое — культурное) и «народом» (политическое). Тезис о моноэтничности политической нации привел ко многим негативным последствиям в XX в., но критика этого принципа «нациестроительства» выходит далеко за рамки данного доклада.

Как бы то ни было, прежний политический режим, где власть имела божественную, сакральную санкцию, в результате буржуазных революций потерял свою легитимность. Это привело,

с одной стороны, к угасанию прежних острых религиозных конфликтов, а с другой – потребовало *гражданской* религии, которая представила бы новое понимание справедливости. Экономисты и политические философы выдвигают идею «общественного договора» в качестве основания. Как полагает А. Сен, такого договора никогда не существовало [Сен, 2016], однако, по моему мнению это неважно – существенным является лишь то, что большинство населения стало считать новый политический порядок легитимным (стоит подчеркнуть, что произошло это не сразу; почти все страны прошли через ряд политических бурь, связанных с острыми гражданскими конфликтами).

Если воспользоваться идеей И. Валлерстайна, то прежние «миры-империи» были милитократическими, в то время как новый «мир-экономика» стал строиться на экономических отношениях. Церковь повсюду отступает, и ее заменяет наука, точнее, ее институты, понимаемые в самом широком смысле: от организации производства, транспорта, строительства, торговли до собственно научных исследований в лабораториях и последующего распространения знаний в тех или иных вариантах печатных изданий. Этот процесс сопровождался распространением образования, новой социальной инфраструктуры, включающей в себя не только системы здравоохранения и просвещения, но и судов, полиции, тюрем. И первая, и вторая промышленные революции требуют новой «дисциплины тела», которую в своих трудах подробно характеризует М. Фуко [Фуко, 1997, 2015].

Если использовать привычный материалистический дискурс, то новые технологии требуют стандартизации питания, одежды, гигиены, социального поведения. На этом фоне забавны сетования сторонников прежней аристократии, писавших, как Х. Ортега-и-Гассет, о «восстании масс» [Ортега-и-Гассет, 2016], разрушающих культуру своими низменными вкусами. Характерна оценка идей Ортеги в советской критике как реакционно-консервативных; несколько забегаю вперед, отмечу, что в XXI в., после начала четвертой промышленной революции, оценки радикально поменяются, и это существенно. Массы на протяжении XIX–XX вв. подвергались сильнейшей обработке – поэтому вполне справедливо говорить о культурной революции, переходе ко всеобщей грамотности и т. д.

При той индустриальной муштре, которую они проходили ежедневно, ни о каком «восстании» не могло быть и речи. Так и формировалось общее представление о социальной норме, представленной «средним классом» — устойчивом большинстве внутри каждой политической нации. И вот эти общие представления уже вполне отвечали ощущению единства реальности. Причем последнее строилось не только на общих стандартах потребления, но и едином понимании основ функционирования техники, аграрного производства, здравоохранения и т.д. Хотя при ретроспективном взгляде из XXI в. оказывается, что часть социологов вполне субъективистски полагает, что «средний класс» был не реальным объектом, но только идеологическим конструктом [Вайс, 2021]⁵.

Экономический образ мышления в индустриальную эпоху был не просто востребован — он естественно вытекал из рациональных принципов организации производства, да и самого общества в целом. Иррациональное расточительство, свойственное прежнему «старому режиму», праздность, демонстративное потребление воспринималось как пережитки «феодализма», хищничества, как это показал Т. Веблен [Веблен, 1984]. Распространенное определение объекта изучения экономики как науки о распределении ограниченных средств, имеющих альтернативные способы применения, для получения наилучших результатов, абстрагировалось от социальных противоречий. Впоследствии с помощью моделей межотраслевого баланса, производственных функций и оптимизации стали описывать самые разные экономические системы, что отражало общее понимание «экономического». Несмотря на дискуссии между кейнсианцами и (будущими) монетаристами, представителями австрийской школы и «новыми» институционалистами, неомарксистами, латиноамериканскими структуралистами и т. д., экономическая наука была относительно единой: представители разных направлений, по крайней мере, понимали и интересовались

-
5. Стоит также указать на прекрасную (и редкую) работу П. Фассела, основанную на культурно-антропологическом анализе классов в США на рубеже 1970–1980-х годов, где речь, культурные предпочтения, включая одежду, напитки, интерьер и пр., манеры поведения и пр. американских страт различаются настолько, что тезис о единстве реальности также становится сомнительным. Однако важно, что в это единство тогда *верили* — и общенациональные масс-медиа исходили именно из этого [Фассел, 2021].

работами друг друга. Но где-то на рубеже 1970-х гг., по мере исчерпания потенциала третьей промышленной революции, ситуация начинает достаточно быстро меняться.

Что произошло? Если говорить об экономических причинах, то от «производственной» модели фирмы, где главным были технологии и характер производства, произошел сдвиг к «маркетинговой» модели, где главным фактором, определяющим прибыль, стала сегментация рынка. Это потребовало изменения логистики, рекламы, размещения филиалов фирм. Постепенно стал происходить переход к «индивидуализации» потребления.

Оговорюсь, что в 1950–1960-е годы вместе с этим происходили и совсем другие процессы. Если требование к оригинальности жизненного стиля каждой личности способствовало дифференциации и легитимации неравенства, то в политике распад мировой колониальной системы и борьба за гражданские права в метрополиях были скорее эгалитарными феноменами. Стоит отметить и достаточно сильное в то время профсоюзное движение, которое в своей борьбе за доходы, тем не менее, скорее усиливало, чем сглаживало различия в оплате между членами разных профсоюзов.

В свою очередь, говоря о культуре, нельзя не отметить подъема авангарда, «научно-технической» (а по сути социальной) фантастики и расцвет рок-н-ролла. По моему мнению, такие культурные сдвиги следует рассматривать как наиболее важные феномены общественной жизни. Так, одним из важнейших манифестов, характеризующих смену «цвета времени», является «Общество спектакля» Ги Дебора [Дебор, 2000]. Собственно, в работе 1969 г. без ссылки на Веблена декларируется возвращение к социальным «атавизмам», к важности демонстрации социального статуса без связи с «предельной производительностью» его обладателя. На мой взгляд, это знаковое произведение, своеобразный манифест. Любопытным парадоксом выглядит то, что в экономической науке в это время полностью доминируют представления о рациональности поведения, распространяющиеся на политическую сферу, образование, здравоохранение, и даже на сферу уголовных преступлений. «Атака» Г. Саймона уже отбита, концепт «ограниченной рациональности» входит в экономическую теорию. «Экономический империализм» в исполнении Г. Беккера и Т. Шульца получает общее признание.

Несмотря на различные варианты критики, которые всегда имели место в экономической науке, мейнстрим в 1960–1970-е годы является единым как никогда «до и после». Это, в частности, проявляется в появлении конвенциональной интерпретации истории экономической науки, представленной фундаментальной работой М. Блауга и впоследствии выдержавшей восемь переизданий [Блауг, 1994]. На мой взгляд, все это лишний раз доказывает относительную независимость экономической науки от большинства социальных феноменов, которые, по мнению реалистов, она якобы должна фиксировать и объяснять.

Как бы то ни было, прежняя «единая реальность», возникшая во время становления индустриального общества, в 1970-е годы начинает потихоньку распадаться на отдельные фрагменты. Реальность, которую описывает позднее кейнсианство и неоклассический синтез, становится слишком сложной для восприятия публикой, в то время как бюрократизация, стагфляция и пропагандируемая левыми надоевшая электорату многих демократических стран демагогия псевдоэгалитарности становятся очевидными раздражителями. На этом фоне сравнительно простая реальность рыночных механизмов, которую отстаивают неолибералы, получает массовую поддержку. Хотя уже тогда можно было сказать, что новый мейнстримный консенсус будет временным. Но распад советского блока и крах СССР позволил существенно замедлить процесс фрагментации и признания «плюрализма реальности».

К 1990-м годам «технологический пат», о котором писал Г. Менш, среди прочего применительно к стагфляции 1970-х годов [Менш, 2001], закончился. Революция в производстве электронных компонентов, резко удешевившая персональные компьютеры, дала старт новой промышленной революции. Было много энтузиазма вокруг «цифровизации», появления оптоволокну, которым предполагалось заменить медные кабели для проводной связи, новых материалов (включая применение пластика в строительстве), и т.д. В то же время экономисты особо не задумывались над тем, что эта революция является не столько «промышленной», сколько «логистической»: резкое удешевление средств связи, контроля и управления позволила в разы сократить складские и вспомогательные помещения, уменьшить количество работников, но сохранив и увеличив

производство продукции. Это все укладывалось в общую характеристику сдвига основной занятости из сельского хозяйства и промышленности в «сферу услуг», так что переход к «бережливому производству» и поставкам «точно в срок», казалось, были частностями гораздо более важного и крупного процесса. Но этот сдвиг сопровождался уменьшением размера организаций и широким развитием технологий аутсорсинга. Следствием всего этого стал неожиданный ренессанс малого и среднего предпринимательства. Прежние идеи построения централизованного автоматизированного управления в стиле Стаффорда Бира [Бир, 1963] оказались прочно забыты.

Подъем предпринимательства, ликвидация больших бюрократических структур, резкое сокращение сферы антимонопольного регулирования, Вашингтонский консенсус на фоне кризиса не только советского блока, но и «движения неприсоединения» — все это рано или поздно должно было привести к новым конвенциям в экономической науке. Долгое время эти процессы воспринимались как своего рода «неолиберальная революция», которая напоминала прежние — маржиналистскую и кейнсианскую. Предполагалось, что, несмотря на различие идеологий, экономисты в целом имеют дело с «единой» реальностью, используя общий метадискурс. Пожалуй, из последнего все же несколько выбивались институционалисты со своими «правами собственности» и «транзакционными издержками», но Р. Фогель, Д. Норт и другие клиометристы долгое время работали «на стыке» истории и экономики, поэтому разница в дискурсах считалась естественной.

После кризиса 2008–2009 гг. фрагментация резко ускори-лась. Экономисты самых разных направлений сконструировали свои объекты и ныне применяют разные методы исследования. При беглом взгляде на необъятное количество публикаций, тем, методов кажется, что экономика распалась на множество разных дисциплин. Существенная (большая?) часть результатов оказывается почти незамеченной экономическим сообществом, другая же часть достаточно широко обсуждается, становясь частью различных авторитетных дискурсов. В свою очередь, последние являются частью различных идеологий, причем качественно несопоставимых (например, экологизм, социализм, неолиберализм) [Вольчик, Кот, 2025]. Десять лет назад я предпринял первую попытку описать

границы того, что будет возможно опубликовать и что будет обсуждаться в отечественной экономической науке, а что, несмотря на остроту поднимаемых проблем, будет исключено из обсуждения [Ореховский, 2015]. Сейчас можно констатировать, что этот старый прогноз сбился, однако тогда в фокусе моего исследования были референтные группы и темы обсуждения экономистов. Я во многом абстрагировался от структуры поля экономических исследований и способов обсуждения. Например, я тогда не обратил внимания на очень удачную и провокационную статью, в которой вводилось деление на мировую (столичную), провинциальную и туземную социальные науки [Соколов, Тимаев, 2016].

Основной задачей моей работы является краткая (и неизбежно неполная) характеристика современных правил конструирования онтологий и убеждения членов экономического сообщества в том, что предлагаемые авторами конструкты объективны, истинны и охватывают существенную часть рассматриваемой реальности. При этом сразу оговорюсь, что предлагаемые в следующем разделе правила ни в коей мере не являются каким-либо алгоритмом поиска истины или советами для успешного построения научной карьеры. Это — выполненный в рамках государственного задания анализ, посвященный исследованию того, как четвертая промышленная революция повлияла на отечественную мысль в решении задач адекватного описания возникших экономических систем. Кроме того, эта работа посвящена еще и тому, как отечественная мысль создает экономическую реальность в период четвертой промышленной революции. Последнее также является частью государственного задания.

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА КОНСТРУИРОВАНИЯ ОНТОЛОГИЙ. МОДЕРНИЗМ КАК СТИЛЬ

Первым правилом успешного конструирования экономической реальности является формализация. Со времен И. Канта у читающей публики сложилось устойчивое мнение, что уровень развития научной дисциплины определяется удельным весом применяемых математических выражений. Если нечто представлено в виде графика и/или формулы, это способствует увеличению доверия к предлагаемой концепции. В работах О.Б. Кошовец со ссылками на Ф. Майровски довольно много места уделяется обоснованию тезиса о том, что экономисты стремились приблизиться к эталону дисциплины, в качестве которого рассматривались математика и физика, и это привело к принятию части посылок, которые прямо противоречили эмпирическим наблюдениям [Кошовец, 2023]. Я думаю, что здесь есть некоторое преувеличение: мало кто из экономистов действительно завидовал физикам (Л. Вальрас, как и В. Парето, выглядят исключениями) и ставил их в пример, но формализация действительно позволяет эффективно абстрагироваться от неприятных сложностей, а дополненная компьютерными расчетами работа создает полную аналогию получения экспериментального знания.

Второе важное правило — следование метатеории модернизации, в самом широком смысле этого слова. Как указывают Бегельсдаjk и Маселанд: «Теория модернизации занималась проблемами и возможностями, связанными с превращением (бывших) колоний в процветающие современные страны. Такие авторы, как

Росту, Хоузлиц, Айзенштадт, Нэш и Маклелланд, придерживались идеи о том, что „развитость” – это единое, объективное состояние, к которому должно прийти любое общество... Таким образом, развитые страны могли служить примером для подражания для менее развитых стран. Они просто дальше ушли в направлении развитости. Экономисты приняли идею Рошера об использовании исторического знания для того, чтобы вывести универсальные законы развития, но релевантными они сочли исключительно знания по истории западных стран; в конце концов западные страны были единственными развитыми странами. Универсальная модель развития была построена на исторической эволюции западных держав» [Бегельсдайт, Маселанд, 2016. С. 70–71]. Или проще: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего...» [Маркс, Энгельс, 1960. С. 9]. Здесь важно подчеркнуть, что, по мнению большинства экономистов, в богатых странах живут умные люди, поскольку эти страны добились успеха за счет развития науки, образования, а также принятия хороших законов в условиях демократического политического режима. Стремление перенять опыт (лучшие практики, в современном дискурсе) богатых стран и стать такими же, как они, позволяет добиться легитимации предлагаемых концепций. И, напротив, разработка очередных оригинальных моделей будет восприниматься публикой с недоверием как очередные попытки изобретения велосипеда представителями *туземной* науки.

Третье правило — в рамках сконструированного реального экономического объекта должны действовать акторы, рационально реагирующие на стимулы и санкции, о чем уже говорилось выше. Существенно, что экономическая логика распространяется не только на индивидуальных, но и на коллективных акторов; для государств, например, рационально преследовать свои «национальные интересы». Следует отметить, что в XXI в. это условие успеха существенно ослаблено: так, в рамках «экономики внимания» акторы борются за привлечение аудитории и получение известности, что может как приносить, так и не приносить роста их доходов; государства могут игнорировать национальные интересы, но отстаивать «демократические ценности», вдобавок акторы могут использовать оппортунистические стратегии, обходя механизм санкций, и т. д.

Во всех этих случаях, однако, экономисты вводят дополнительные оговорки в явном виде, показывая, что их конструкт обладает большим правдоподобием, чем простая модель.

Приведу пару характерных примеров конструирования. В своей работе о кризисе высшего образования новосибирский философ Н. Розов приводит следующую иллюстрацию (рис. 1).

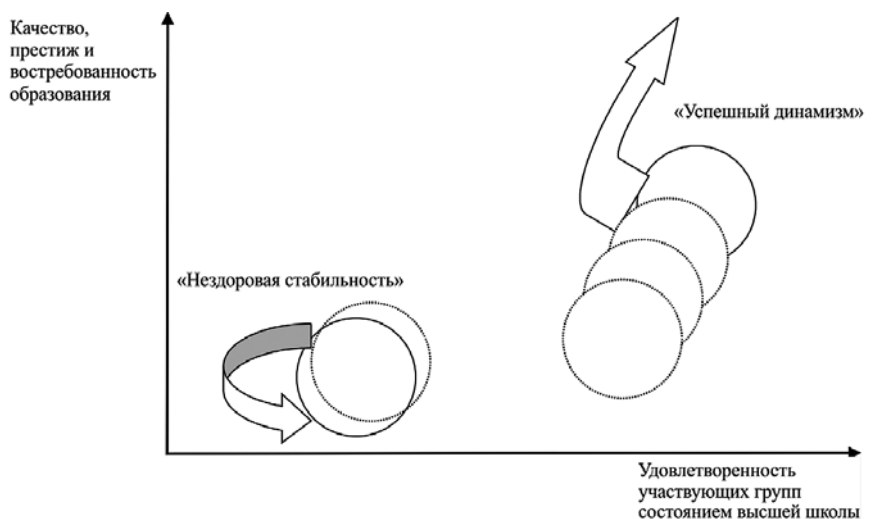

Рис. 1. «Два аттрактора для национальных систем высшей школы (и для отдельных вузов)»

Источник: [Розов, 2020. С. 105].

Прелесть приведенной иллюстрации заключается в том, что между аттракторами «нездоровой стабильности» и «успешного динамизма» можно поместить все, что угодно – системы национального здравоохранения (и отдельные больницы), отрасли транспортного машиностроения (и отдельные фирмы), региональные экономики (и отдельные муниципальные округа), наконец, различные международные объединения (и отдельные страны). «Аттракторы» можно также назвать по другому: экстрактивные и инклюзивные институты [Аджемоглу, Робинсон, 2015], режимы ограниченного и открытого доступа [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], Россия и Запад (естественно, у Розова «нездоровая стабильность» относится к российскому образованию, а «успешный динамизм» – к западному).

Что видит *непредвзятый* читатель? Две палочки со стрелочками, шесть кружочков и две фигуры со стрелочками. И онтология социально-экономического пространства готова. Автор апеллирует к математической интуиции образованного читателя, знакомого с курсом математического анализа, хотя в статье нет даже попыток построить уравнения, описывающие функциональное поведение национальных систем образования, а тем более их верифицировать. Главное — правила: оси задают структуру социального пространства: к нулю (нижний левый угол) — «плохое», вправо — вверх (верхний правый угол) — хорошее. По вертикали — общественное благо, по горизонтали — благо (удовлетворенность) отдельных социальных групп.

В принципе, этого достаточно для начала исследования и заявки на грант. Далее можно вводить систему неких количественных индикаторов и размещать точки на этой карте. Имеющиеся данные позволят это увязать с характеристиками социально-экономического развития, включая душевой доход и построить эконометрические уравнения для верификации соответствующих гипотез.

Существуют ли такие аттракторы? В реальности Н.С. Розова — конечно, существуют. И, как показывает Р. Сагден, если большинство читателей соглашались с тем, что приведенный на рис. 1 мир *правдоподобен*, этого достаточно [Сагден, 2012]. Но в реальности многих западных исследователей — пожалуй, нет, не существуют. Например: «В Великобритании сотни финансируемых за счет бюджета курсов предоставляют академические дипломы, даже если изучаемые предметы не имеют к академической науке ни малейшего отношения. Союз налогоплательщиков в 2007 г. выявил 401 случай “ненастоящих” курсов...»

Стоимость обучения в вузе растет быстрее, чем доходы, особенно в США. В этой стране с 1970 по 2010 год, когда средний показатель доходов на семью вырос в 6,5 раза, стоимость обучения в частном колледже выросла в 13 раз, а стоимость обучения в колледже, финансируемом из бюджета штата, — в 15 раз для жителей штата и в 24 раза для студентов из других штатов. Соотношение цена — качество тоже изменилось к худшему... Старший преподавательский состав университетов “Лиги плюща”, несильно пере-

грузенный лекциями, теперь берет творческий отпуск раз в 3 года, обычно это было раз в 7 лет...» [Стэндинг, 2014. С. 129].

Здесь стоит хотя бы коротко остановиться на различиях между реализмом О.Б. Кошовец и моим подходом. Так, говоря об объектах, представленных выше в работах Н.С. Розова и Г. Стэндинга, Кошовец, как и другие реалисты, могла бы сказать, что одна из них является «ложной сущностью» и должна быть отвергнута как *несуществующая, неистинная*. Такая же оценка должна была бы применяться к работам Аджемоглу – Джонсона – Робинсона, недавно отмеченных Нобелевской премией, с одной стороны, и уничтожающей критике их концепции в книге антрополога Даймонда [Даймонд, 2023а]⁶, с другой. Я полагаю, что, если существует много ученых, которые *верят* в истинность аргументов нобелевских лауреатов, а также существует другое множество исследователей, которые *верят* в истинность аргументов Даймонда, то обе эти группы будут создавать свои реальности. Какая из них победит – вопрос открытый, но в социальном отношении перевес позиции Аджемоглу и К^о очевиден. Это, в частности, я и попытался отразить выше, во втором правиле конструирования.

Приведу еще один пример, связанный с институциональным дизайном. В работе О.С. Сухарева, посвященной институциональному анализу приватизации и национализации, моделируется отдача государственных и частных активов, рассматриваются разные варианты изменения эластичности отдачи. Здесь нет места для воспроизведения всех дифференциалов и интегралов, приведенных в статье. Однако общую идею можно проиллюстрировать с помощью последнего, сравнительно простого рис. 2.

Автор дает следующие пояснения к рис. 2: «...ситуация задается исходным преобладанием государственного сектора в одном случае и преобладанием частного сектора в другом случае. Диаграммы отражают возможности приватизации и национализации при росте Y . При обратном движении Y , то есть при спаде, диаграмма отражает (слева) национализацию и приватизацию (справа). Исходя из графических построений для произвольного продукта Y , запишем:

6. Особо стоит отметить в этой работе: «Послесловие 2017 г. Проблема богатых и бедных стран в свете некоторых аспектов книги “Ружья, микробы и сталь”» [Даймонд, 2023б].

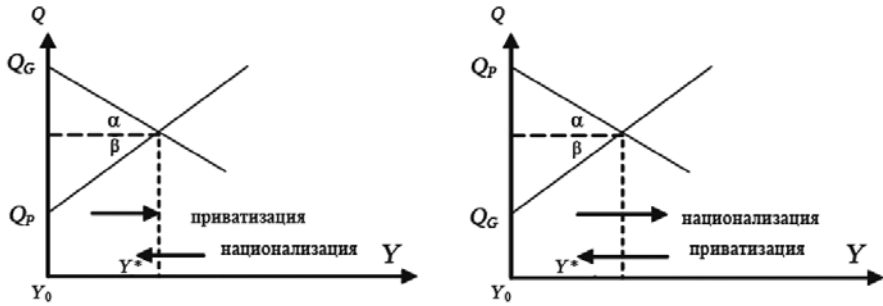

Рис. 2. «Приватизация и национализация при росте и спаде ВВП»

Источник: [Сухарев, 2015. С. 76].

$Q_G = Q_P + k(Y^* - Y)$, где $k = (\text{tg}\alpha + \text{tg}\beta)$. Благосостояние для данного продукта Y при национализации (см. рис. 2, справа), так как $Q_G = Q_P + k(Y^* - Y)$, будет $U(Y) = 2Q_G + k(Y^* - Y)$.

... Результат благосостояния системы зависит от углов наклона, символизирующих скорость приватизации и национализации соответственно, исходного соотношения частной и государственной собственности, темпа текущего экономического роста. Если чувствительность в виде углов наклона есть функция времени, но равновесный объем Y^* для данного интервала не изменяется, тогда изменение благосостояния при национализации (рис. 2, справа)...» [Там же].

Попросту говоря, изменение «благосостояния» определяется эластичностью отдачи государственного и/или частного сектора, которые, в свою очередь, зависят от наклона палочек на рисунках. Причем эластичность отдачи здесь отождествляется со скоростью приватизации и национализации.

Здесь проявляются другие возможности математизации: под «приватизацией» и «национализацией» понимается просто изменение имени активов, аналогично, скажем, перекрашиванию их в белый или черный цвет. Тем самым можно абстрагироваться от сложных проблем «расщепления» и идентификации прав собственности, от конфликтов с прежним менеджментом и трудовыми коллективами и прочих трудно формализуемых социальных феноменов. Построенный О.С. Сухаревым экономический мир мало правдоподобен по Сагдену. Однако данный пример показывает прелесть формализации — она заключается в том, что позволяет избежать «сопротивления материала» — акторов и актантов по

Б. Латуру. Субъект, выписывающий формулы поведения объекта, становится подобен экономическому демиургу, а неправдоподобие всегда можно списать на высокий уровень абстрагирования, затрагивающий только самые важные черты объекта⁷.

Как показывает А. Кламер, решающую роль в изменении стиля экономической науки сыграл П. Самуэльсон, заменив тяжеловесные рассуждения, характерные для первой половины XX в., на формализованные записи для микро- и макроэкономических уравнений. Модернистская революция – это не только и не столько сам «неоклассический синтез», это еще смена стиля. «График спроса и предложения впервые появился в 1890 году в работе Альфреда Маршалла... Думаю, Маршалл немного шукавил, изобразив такое сложное явление, как рынок, в виде четырех линий. Вот почему он поместил изображение в сноску... В то время столь абстрактное изображение могло показаться дикостью. Как этим можно объяснить все, что происходит на рынке?»

Прошли десятилетия, прежде чем график стал повсеместно использоваться в преподавании экономической науки благодаря Полу Самуэльсону, который сделал его центральной фигурой в своем первом учебнике по экономике (economics) 1947 г. Теперь студенты, постигающие экономическую теорию, воспринимают это изображение как нечто само собой разумеющееся. Они понимают абстрактную метафору и привыкли мыслить в категориях (серьезных) движений вдоль кривых и сдвигов кривых. Да кому нужно помнить, что все это далеко от реальности?» [Кламер, 2015. С. 223].

Изменение стиля в макроэкономике позволило выкинуть за борт сомнения австрийской школы в отношении реальности статистических агрегатов, а заодно проигнорировать «жесткость цен» у посткейнсианцев (в таком случае равновесие может оказаться вне пересечения линий спроса и предложения). Можно было проигнорировать и «эффект вытеснения», на который позже указали неолибералы. Все это (за исключением проблемы дезагрегирования,

7. О.С. Сухарев – известный российский ученый, по данным Научной электронной библиотеки (elibrary) – автор 1 053 работ с индексом цитирования (Хирша) 56. Количество ссылок на его работы составляет 13 905 (на 23.01.2026). Таким образом, большое число членов экономического сообщества, так или иначе процитировавших работы Сухарева, свидетельствует о реальности объектов, описываемых в работах этого авторитетного автора.

естественно) постепенно стали добавлять в уравнения, которые все больше и больше усложнялись. На этом фоне естественной выглядит и дальнейшая революция «инфляционных ожиданий», где вместо денежных агрегатов в качестве основного фактора выступает просто ключевая ставка Центрального банка.

Модернистский дискурс, естественно, уже давно стал *авторитетным*, формирующим социальную реальность, воспринимаемую экономистами через углы наклона кривых и форму уравнений. Забегая вперед, отмечу, что мысль о том, что «закон спроса» является в современном мире лишь редким частным случаем — скажем, для рынков производственных полуфабрикатов и запчастей — а правилом в общем случае является *отсутствие функциональной связи между ценой и объемом спроса*, является «постправдой»⁸.

8. См., например, [Ореховский, 2013]. Легко заметить, что в этой статье нарушены все три правила конструирования онтологий. Предположим, что какие-то теоретики поверили бы в справедливость утверждения, что закон спроса на большинстве рынков не выполняется (тем более что специалисты в области рекламы и маркетинга это хорошо *знают*). И — что они бы сделали с этой реальностью?? Предложили бы Минобрнауки РФ переписать учебники по экономической теории? Присоединились бы к сообществу «туземной науки»?

НЕФОРМАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ: ДИАЛЕКТИКА И ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Диалектика с ее тремя основными законами представляет собой еще один мощный инструмент построения онтологий. В ее основе лежит та самая неоднозначность понятий, в результате которой, как полагал Л. Витгенштейн, «имена вещей» нельзя использовать в стиле К. Поппера, как краткие синонимы, заменяющие длинные описания природных и социальных феноменов [Поппер, 1983]. Следует также оговориться, что диалектика — один из любимых инструментов реалистов, полагающих, что «форма» и «содержание» явления — принципиально разные проявления *сущности* наблюдаемого объекта. Реалист, понимающий диалектику, может, даже не проводя длительных наблюдений и экспериментов, сделать глубокие обобщения, претендующие на статус «законов природы» [Энгельс, 1929]. В свою очередь, субъективистский подход использует диалектику как важнейший раздел риторики, а «форма» и «содержание» представляют собой просто разные уровни глубины анализа. При таком подходе, вообще говоря, они не должны противоречить друг другу⁹.

-
9. Как пишет С. Фуллер, рассматривая появление «постистины»: «Различие философии и риторики как областей академического исследования в период Нового времени все больше институционализировалось... В это время судьба философии радикально разошлась с судьбой риторики. Философия стала чрезвычайно серьезной дисциплиной, посвященной Истине, тогда как риторику стали считать в лучшем случае служанкой Истины, которая изображалась то простым украшательством, то откровенной диверсией...

Вопреки общепринятому мнению исследователей... я полагаю, что Платон и софисты расходились друг с другом не столько в том, что можно считать хорошей «диалектической» (то есть философской или риторической) практикой, сколько в том, каким должен быть доступ к ней — свободным или ограниченным. Действительно, я хотел бы, чтобы мы видели и в Платоне, и в софистах торговцев постистиной, которые при конструировании истины больше озабочены сочетанием удачи и умения, чем истиной как таковой» [Фуллер, 2021. С. 58–59].

Как показал А.А. Зиновьев в своей кандидатской диссертации, посвященной марксистской диалектике [Зиновьев, 2002], любой предмет содержит в себе противоречие (единство и борьбу противоположностей), которое через исследование его разных свойств можно довести до различия между количественными характеристиками. После этого происходит операция «снятия», аналогичная математическому «доказательству через ноль», позволяющая получить новое знание, которое будет положено в основу конструируемой реальности. Так, воспроизводя логику К. Маркса, один и тот же предмет изучения – труд – можно представить как равенство между стоимостью рабочей силы и длительностью рабочего дня, в течение которого также создается новая стоимость; разница между этими двумя показателями будет равна «прибавочной стоимости»; прибавочная стоимость будет выражать отношение эксплуатации рабочего капиталистом и т.д. В субъективистском варианте можно воспроизвести алгоритм такого же рассуждения следующим образом: «Возьмем ... что-нибудь безобидное... например, стол. Этот объект одновременно стоит и лежит на полу. В качестве своего места для сидения за ним (обеда или написания текста) он может быть сдан в аренду по 50 руб. за 1 час, но если место на столе предлагается для лежания на нем (ночлега), то аренда составит 320 руб. за ночь (ночлег длится 8 час). Таким образом, стол стоит 320 руб., но если его эксплуатировать, сдавая в аренду для сидения за ним, то он принесет 400 руб. Разница в оценках составляет потенциал добавленной ценности, которую стол может приобрести в процессе продажи благодаря рекламе. Чтобы освободить платоновскую идею “стольности” от эксплуатации, она может принять другую форму, превратившись в конторку или кульман, что будет означать следующую стадию эволюции стола» [Ореховский, Разумов, 2025. С. 48–49].

Используя диалектику, Зиновьев построил свою версию жуткого политико-экономического кошмара¹⁰. Первичная «клеточка»

10. А. Зиновьев, по-моему, является социологом, который весьма эффективно использует диалектику и развивает марксистско-ленинскую философию. В то же время, конечно, в СССР и современной России было и есть немало философов, которые, используя диалектику, приходят к радикально другим оценкам советского политического режима. Задача этого раздела не в том, чтобы показать истинность / ложность взглядов Зиновьева и/или других марксистов, а в том, чтобы показать, как диалектика – точно так же, как и математическое моделирование – позволяет строить самые разные онтологии.

коммунизма — это коллектив, в котором есть «управляющая» и «управляемая» подсистемы, и где начинают действовать «законы коммунальности». Результатом является «особый тип общества, в котором будут процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий. Здесь утверждается искаженная оценка личности — превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности. Наиболее нравственные граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Причем не обязательно власти делают это. Сами коллеги, друзья, сослуживцы, соседи прилагают все усилия к тому, чтобы талантливый человек не имел возможности раскрыть свою индивидуальность, а деловой человек — выдвинуться. Это принимает массовый характер и охватывает все сферы жизни, и в первую очередь — творческие и управленческие. Над обществом начинает довлеть угроза превращения в казарму... Воцаряется скука, тоска, постоянное ожидание худшего» [Зиновьев, 1980. С. 13]. Отношения коммунальности предопределяют то, что «подчиненные» получают доход на уровне самого бездарного и ленивого работника; а все, что производится сверх этого минимума, изымается «управляющей подсистемой» и перераспределяется начальством между собой согласно установленным социальным статусам. Поскольку в условиях «общественной собственности» средствами производства распоряжается начальство, постольку коммунистическая система предоставляет безграничные возможности контроля над индивидами и их эксплуатации.

Как уже говорилось, К. Маркс применяет диалектический метод для построения теории прибавочной стоимости. Последняя позволяет строить онтологии, где эксплуатация является необходимым элементом бытия. Китайский экономист Ли Минци рассматривает отношения эксплуатации как свойство мировой торговли: в процессе экспорта — импорта страна-эксплуататор импортирует больше труда, чем поставяет за рубеж. Эту мысль развивает О.О. Комолов, несколько усложняя ее — предполагается, что производительными являются только «первичный» и «вторичный» сектора, при этом в случае благоприятной конъюнктуры «первич-

ный сектор» получит еще и «сырьевую ренту». Но принцип в целом тот же — страна с более высокой производительностью труда будет *эксплуатировать* страну с менее высокой производительностью [Комолов, 2024]. Любопытно, что Комолов не развивает этой идеи применительно к разным регионам и отраслям одной и той же страны — хотя, руководствуясь такой же логикой и рассматривая обмен между столичными и периферийными регионами или отраслями, принадлежащими разным «технологическим укладам», легко получить для современной России картину эксплуатации, близкую к той, что описывал А. Зиновьев.

Марксизм, точнее — неомарксизм в самых разных формах — в настоящее время в России является вполне уважаемым направлением экономической мысли. Тезисы об эксплуатации достаточно часто озвучиваются как в научном сообществе, так и среди широкой публики. В связи с этим у меня часто возникал вопрос, *зачем концепт эксплуатации нужен экономистам*. В технических науках это понятие имеет нейтральные коннотации — различные эксплуатационные режимы оборудования, гарантийный срок эксплуатации и т.д. Но у экономистов эксплуатация представляет собой присвоение *чужого труда, сродни воровству*, с четкой негативной моральной оценкой.

На мой взгляд, использование концепта эксплуатации связано с признанием легальности и одновременно — отрицанием легитимности существующего политического порядка. Согласно К. Шмитту, человек, который признает закон, но отрицает его справедливость — потенциальный партизан (настоящим партизаном он станет тогда, когда начнет свою подпольную борьбу) [Шмитт, 2007]. В принципе, партизан — это просто радикальная версия прожектора — институционального дизайнера — реформатора, поскольку допускает самые разные методы борьбы, включая революционное насилие. При этом, как показывает Зиновьев в рамках своего диалектического дискурса, уничтожить «коммунальность» полностью невозможно — то же самое и с эксплуатацией. Но с помощью радикальных мер можно добиться снижения степени эксплуатации, и здесь экономические партизаны находят достаточно широкий отклик у читающей публики. А заодно, конечно же, неомарксисты приобретают уважительность как научные критики правительства. Политический

порядок, допускающий эксплуатацию, нелегитимен, несправедлив — это обстоятельство лежит в основе большого количества работ как нео-, так и постмарксистов¹¹.

Отдельно нужно остановиться на диалектическом законе «отрицания отрицания», который также широко используется при конструировании реальностей. Это важно в связи с тем, что неоклассический подход нередко игнорирует исторический контекст, доказывая, например, что равенство предельных издержек и предельного дохода позволяет добиваться фирме максимума прибыли в *общем* случае. Критика такого «абстрагирования от контекста» институционалистами появилась почти тогда же, когда началась и маржиналистская революция [Веблен, 2007].

В свою очередь, вся широкая палитра институционалистских направлений в экономической теории как раз делает акцент на историческом контексте. Один из основоположников новой институциональной экономической теории (НИЭТ), Р. Коуз, ввел концепт трансакционных издержек (ТИ), которые в 1930-е годы, по его мнению, были связаны с использованием рынка (ценовой системы). Именно их существование было причиной возникновения и роста иерархически организованных фирм: в этом случае переход к найму вместе с интеграцией «вперед» и «назад» позволит сократить ТИ.

Издержки — это издержки, неважно, какие они, трансформационные или трансакционные, по Д. Нортю. Их все равно нужно сокращать — это будет вести к росту доходов. А если это так, то почему бы не применить к ТИ, которые вроде бы не зависят от объемов производства и сбыта, те же самые микроэкономические правила конструирования, что и для постоянных и переменных производственных издержек? И это с успехом сделала теория общественного выбора [Ореховский, 2011]. А уже в 1980-е гг., когда возникла практика аутсорсинга, оказалось, что отказ от найма и иерархии и переход к классическим «контрактам о продаже» также позволяет сэкономить ТИ.

11. Например, см.: [Негри, 2024а]; особенно раздел «Коммунистическое желание и реставрация диалектики» [Негри, 2024б. С. 580–688]. Хороший субъективистский обзор взглядов неомарксистов представлен в книге Р. Скрутона [Скрутон, 2021].

Таким образом, НИЭТ в неявном виде полностью воспроизвела схему «отрицания отрицания», в рамках которой концепт превращается в свою противоположность:

- этап открытия ТИ: издержки использования контрактной (ценовой) системы. Их можно уменьшить, *создавая иерархические* системы управления;
- этап расширения концепта: ТИ позволяют описывать политические, экологические и другие процессы в социуме, а в экономике их удельный вес и значение становятся выше, чем «трансформационных» издержек [Wallis J., North, 1986];
- этап отрицания прежней логики: *разрушая прежние иерархии, внедряя аутсорсинг*, переходя к контрактной системе, менеджеры в частном и государственном секторах добиваются сокращения ТИ.

Концепт ТИ — очень полезен для конструирования реальности институциональными экономистами. Без ТИ институционалисты никогда бы не смогли построить по-настоящему экономическую реальность (см. третий принцип конструирования) и конкурировать, например, с неоклассикой. По моему мнению, в отношении инструментальности он превосходит рассмотренный выше концепт эксплуатации. Так, с его помощью легко доказать, что переход к тендерам и конкурсам на ремонт, строительство и предоставление социальных услуг за счет средств государственного (муниципального) заказчика вместо прямого финансирования сети бюджетных учреждений позволяет сэкономить средства и повысить эффективность. Если же так получится, например, что подготовка тендерной документации окажется сопоставима или даже дороже, чем стоимость ремонта инженерных сетей, построенных в сельской местности когда-то «хозяйственным способом», то принцип экономии ТИ позволит доказать, что в этом случае эффективным будет прежняя система прямого бюджетного финансирования. Поэтому можно проводить оптимизацию сети медицинских учреждений, ликвидируя сельские больницы и фельдшерские акушерские пункты, а потом заниматься их строительством в рамках федеральной целевой программы здравоохранения. Или, например, можно попытаться определить ТИ на уровне НИИ: «под транзакцион-

ными издержками на научную деятельность авторы понимают выделяемые в бухгалтерской отчетности затраты на поиск информации, командировочные расходы, представительские расходы и прочие расходы, связанные с научной работой. Заработная плата и стимулирующие выплаты преподавателям и научным работникам университета в транзакционных издержках не учитываются» [Попов, 2015. С. 464]. После этого можно проанализировать связь ТИ и НИР: «в результате проведенного исследования была доказана первая рабочая гипотеза о высокой корреляции между транзакционными издержками и результативностью научной деятельности в университетах...

...результативность научной деятельности подразделений университета, описываемая генерацией знаний в виде опубликованных статей, полученных патентов, участия в выставках и конференциях, определяется транзакционными издержками на научную деятельность» [Там же. С. 466–467]. Получается, чем выше командировочные, представительские и прочие расходы в НИИ, тем лучше будут научные результаты. Что ж, почему бы и нет.

Трудно сказать — а, возможно, это и неважно — какие методы конструирования, формальные или неформальные, доминируют в экономических науках. Споры о полезности / вредности формализации представляются бесплодными, хотя модернизм как стиль, конечно же, оказал на работы экономистов огромное влияние. Но и диалектика продолжает использоваться исследователями достаточно широко, несмотря на то что многие институционалисты не читали не только Гегеля, но и Маркса.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ «ПОЛЕ». «ПОСТПРАВДА» ПО С. ФУЛЛЕРУ

П. Бурдьё в свое время предложил рассматривать различные виды деятельности как своеобразные социальные поля. Если говорить о науке, то такие поля имеют не только «длину и ширину», которые определяются, например, разнообразием тем исследования и подходами (инструментами), используемыми учеными, но и «высоту», связанную с объемом «символического капитала», которым обладает каждый актор. Последний определяется через влияние на учеников (наличие «школы»), уровень цитируемости (известности), а также, конечно, административную и экономическую власть. Первая представляет собой административную должность, вторая — объем ресурсов, включая финансовые, которыми распоряжается исследователь [Бурдьё, 2017]. Это, конечно же, сильно упрощенная схема идей, предложенных Бурдьё, но сказанного достаточно для темы данной работы.

Поле — это не рынок, где акторы обладают только рыночной, «денежной» властью, хотя часть характеристик экономического поведения можно перенести и в данную сферу. Так, акторы, которые обладают большим символическим капиталом, пытаются «защитить границы», поскольку это позволяет сохранить власть. Сделать это непросто. Так, периодически ученые, занимающиеся микроэкономикой и инновациями, заходят на территорию макроэкономики, макроэкономисты через налоговую политику и финансы заходят к микро-, институционалисты зачастую действуют вообще

во всех экономических дисциплинах. Как правило, такие междисциплинарные атаки успешно отбиваются через простое игнорирование — редкое цитирование оппонентов означает их тихую, незаметную на данном участке поля «символическую смерть». Другой вариант — предложенные оппонентами концепты усваиваются и становятся частью авторитетного дискурса. Ярким примером последнего является относительно недавняя история поведенческой экономики.

Таким образом, ученому мало сконструировать реальность — необходимо убедить в ее существовании своих коллег. Далее, чтобы она стала реальностью для широкой публики, социальной практикой, конструкция должна пройти через процедуры реификации (овеществления), этому посвящен следующий раздел.

Процессы убеждения идут в разных плоскостях. Используя методологию Бурдьё, Н.А. Шматко выполнила исследование «революции», которая имела место в отечественной науке в 1990-е гг.: «С целью реконструкции структуры поля экономической науки в 1990 г. было проведено просопографическое измерение активных свойств... целевой выборки из 67 российских экономистов...

Экономисты, ставшие предметом... исследования — это не просто некая “случайная выборка”... Они связаны в единый предмет действительными социальными взаимодействиями, поскольку участвовали в символической борьбе вокруг программы экономической реформы, разворачивавшейся в 1988–1992 гг. ...

Исследование охватывало 38 показателей, выражающих активные свойства агентов поля экономической науки в 1990 г. При отборе показателей мы опирались на результаты исследования французского поля науки...» [Шматко, 2011. С. 202–203]. Результат анализа позволил Н. Шматко сделать следующий вывод: «...изменение в 1990 г. системы позиций, присущей российскому полю экономической науки, резко и глобально меняет, “переклассифицирует” активные свойства агентов. Доминируемые молодые экономисты, придерживающиеся стратегии “ереси” по отношению к ортодоксии “политэкономии социализма”, делают блестящие, небывалые карьеры, ресурсы доминирующих обесцениваются, и охраняемая ими докса советской экономики растворяется почти без остатка» [Там же. С. 220]. Шматко показывает, что успех исследовательских

стратегий молодых экономистов был обусловлен прежде всего «интервенцией» — влиянием на поле экономической науки политических изменений, включая фактический переход власти от М.С. Горбачёва к Б.Н. Ельцину.

В свою очередь, о том же пишут в своей «теории полей» Н. Флигстин и Д. Макадам, развивающие подход П. Бурдьё и других социологов, использующих этот подход [Флигстин, Макадам, 2022]. Экзогенные шоки, которые идут от соседних, «граничных» полей, приводят к переструктурированию (а в некоторых случаях, если говорить не о науке, а об отраслях промышленности — к поглощению другими полями и другими акторами). Необходимо также отметить, что в России социологический подход к описанию развития экономической науки представлен в работах А.А. Мальцева и В.В. Вольчика. Они не используют идеи «полей», однако их попытки осуществить классификацию позиций российских экономистов пересекаются со старой работой Н.А. Шматко.

Ситуация в социальных науках 1990 г., во время начала четвертой промышленной революции, радикально отличается от того, что происходит в последние два десятилетия. Следует учитывать и переход к массовому высшему образованию, и к изменившемуся положению масс-медиа. Об этом пишет О.Б. Кошовец в одной из своих самых цитируемых работ: «эксперт стал и одним из важных субъектов *воспроизводства масс медиа* (здесь и далее курсив автора). Однако изменения произошли не только с экспертом, но и с источником его компетенции — знанием. В медийных коммуникациях *знание смешалось с массовой публичной информацией* — основным продуктом СМИ, в котором профессиональное или научное знание потребляется в упрощенной популярной форме, доступной широким слоям» [Кошовец, 2008. С. 1]. Далее Кошовец разводит собственно научное и экспертное знание, констатируя, что: «В эпистемологическом плане экспертное знание в общественных науках (экономики, социологии и пр.) фактически репрезентирует собой *легитимацию недопустимого с точки зрения классического научного идеала субъективного оценочного суждения...* в экспертном знании эти ценностные позиции носят мировоззренческий (идеологический) характер и определяются в большинстве случаев не предпочтениями экспертов, а потребителями их продукта...

Представляется, что подобная ситуация становится возможной, поскольку экспертное знание — прикладное или отраслевое — а потому подчиняется другим закономерностям. Иначе говоря, оно функционирует вне “научного этоса” и его классических эпистемологических идеалов и ориентируется на инструменталистский, прагматический подход, пришедший из других систем: производства и государственного управления. *Субъективизм* — а в публичном пространстве это называется *ангажированностью* — и стоящие за ним ценностные предпочтения иногда пытаются преодолеть с помощью разного рода измерений... или формализованных процедур... В этой ситуации на передний план выдвигается *авторитет компетенции или имени, которые в прикладной науке выполняют ту же роль, что трансцендентальный субъект в классической науке* [Там же. С. 31].

Несмотря на то что я согласен с постановкой проблемы — экспертное знание XXI в. действительно сильно отличается от научного знания первой половины XX в. — я не могу согласиться с выводами О.Б. Кошовец. Во-первых, еще тогда, когда социальная реальность была относительно единой, а «экспертное» знание мало в чем отличалось от «научного» — во время второй и третьей промышленных революций — «научный этос» уже стал размываться, о чем свидетельствует известная работа Ж. Бенда [Бенда, 2009]. *Существовали* когда-либо «классический научный идеал», к которому действительно стремилось бы большинство ученых, а не пыталось бы, вместо этого, окружить себя ореолом святости — дымовой завесой — в глазах остальной публики — вопрос открытый. Во-вторых, представление о том, что эксперты, выступающие в публичном пространстве, ангажированы теми или иными политиками или представителями крупного бизнеса — обычная марксистская «пасхалка», отсылающая к классовому характеру политической экономии. Главный заказчик для любого эксперта, выступающего в публичном пространстве — это он сам. Чем больше репрезентаций — выступлений, заметок в различных интернет-каналах и социальных сетях — тем выше узнаваемость и символический капитал. Несколько забегаю вперед, отмечу, что теперь с помощью наукометрии происходит реификация символического капитала исследователей. Поэтому, в-третьих, я не вижу принципиальной разницы между *целями* экс-

пертов и ученых. Как указывает Г. Франк: «Входными характеристиками производства знаний являются накопленные знания и живое внимание. Результат состоит из гипотез, фактов и теорем, которые предлагаются на рынке научных коммуникаций... Публикация создает не только предложение на рынке научных коммуникаций, но и интеллектуальную собственность на накопленные знания...

Тип декларации, без которой нельзя использовать чужую интеллектуальную собственность — это цитата. Взимаемая плата является молчаливым переводом на счет цитируемой части внимания, которое за свою работу получает цитирующий. Регулярной мерой научной информации является частота, с которой она цитируется. Счет цитат автора измеряет его научную продуктивность...

...Существует так называемый индекс цитирования (SCI, Science Citation Index), который заключается в... ведении индивидуальных учетных записей цитируемых ученых. Эти записи однородны и напрямую сопоставимы между собой. Они измеряют производительность труда отдельного ученого по готовности платить коллег, интересующихся его результатами. Другими словами, производительность измеряется с помощью дохода. Однако, и это крайне важно для аналогии преобразования основного капитала в ссудный капитал, запись в SCI — это больше, чем просто обнаружение соответствующего внимания. Она сама принимает форму капитала: чем больше счет этой записи, тем выше внимание, которое привлекает респектабельность этой записи. Внимание привлекает внимание» [Франк, 2020. С. 48].

Экономисты — и на Западе, и в России — ведут свои каналы на Ютубе, в Телеграмме и других социальных сетях, конкурируя за подписчиков. Количество последних является таким же способом подсчета, как и упомянутый Франком SCI (или индекс Хирша). Опять-таки, эта практика реифицируется и легитимируется как Минобрнауки, так и руководством вузов и НИИ. Публичная активность ученых, их выступления в общенациональных и местных медиа поощряются материально и с гордостью описываются на сайтах, посвященных деятельности указанных организаций.

С. Фуллер отмечает, что «этос ученых» имеет очень давнюю историю: «Обращая особое внимание на враждебность Платона к драматургам, я буду доказывать, что ставкой является не что

иное, как контроль над “модальной властью”, которая в конечном счете определяет сферу возможного в обществе» [Фуллер, 2021. С. 59]. Это делается с помощью ограничения круга тех, кто *имеет право* на конструирование реальности, а решать это должны, естественно, сами ученые: «В этом отношении Сократ — изначальный враг свободного рынка. Он считает, что только людей с правильным характером можно учить тем навыкам, которым в меру своих возможностей могут учить и софисты... в переписке с Лео Штраусом Александр Кожев отмечал, что Платон отстаивал такую биржу метауровня, на которой те, кто знает, как управлять, вступали бы в транзакции с теми, у кого есть власть, позволяющая управлять, так что каждый удовлетворял бы законные потребности другого, что создавало бы целое, которое было бы больше суммы своих частей. В этом уже скрывается вывод, на котором Платон основал свою карьеру: а именно: соответствующий рынок должен оставаться малым...

Эта стратегия помогает объяснить озабоченность Платона цензурой и особенно предложенное им изгнание “поэтов”, хотя с таким же успехом он мог бы говорить о “софистах”, то есть обо всех тех, у кого есть навыки, которые могли бы составить конкуренцию тем, что необходимы царю-философу» [Там же. С. 61–62]. Естественно, что театр — поэты, драматурги и актеры — создавали в то время альтернативную социальную реальность, подрывая «научный этос»: «С его [Платона] точки зрения, артисты виноваты в том, что создают живое ощущение какого угодно числа “неестественных” порядков, то есть альтернативных миров, которые наводят зрителей на мысль о том, как бы воплотить их, выйдя из театра, — воплотить исключительно силой своей личности и воли. Конечно, именно так законодатель и утверждает свой “естественный” порядок, однако он в обычном случае не сталкивается с конкуренцией, заставляющей его раскрыть карты» [Там же. С. 67]¹².

12. Любопытно отметить, что со времен Платона мало что изменилось. Телепередачи, в которых участвуют известные режиссеры и актеры, где они демонстрируют свои представления об устройстве российской жизни, включая характеристику образовательных и научных практик, вызывает большое раздражение многих отечественных ученых из сферы общественных наук. Полностью в соответствии с «научным этосом» они полагают, что располагают монополией на истину, которую пытаются разрушить «эксперты».

Понятно, что в XXI в. индустрия развлечений все больше захватывает внимание публики. Если сильно упростить аргументацию Фуллера, то получится, что в Новое время сциентизм становится гражданской религией, заменяя церковь в роли актора, дающего легитимацию тем или иным социальным порядкам. Но после начала четвертой промышленной революции начинается кризис сциентизма: наука и НИОКР превращаются в «сервисный сектор», на равных конкурируя с индустрией развлечений за внимание властей и публики. Наличие массового высшего образования позволяет гражданам судить об эстетике представленных экономических миров и о логичности аргументации. Результатом является критическое отношение к «фактам»: «сторонник постистины не отрицает существования фактов... Он просто желает сорвать этот покров таинственности, в который обычно облачается создание и поддержание фактов. Например, эпистемологи давно уже пытаются разобраться с представлением о том, что “соответствие реальности” объясняет, почему определенные высказывания являются “фактом”. Если придерживаться самой обычной интерпретации, это кажется немного таинственным, поскольку таким выражением предполагается довольно странное развитие событий. Рассмотрим пример научных фактов. 1) Ученые делают что-то такое в лаборатории. 2) Они публикуют что-то такое, что убеждает их коллег-ученых в том, что там что-то случилось, и это запускает череду действий, которая вначале оставляет свой след на коллективном корпусе научного знания, а в конечном счете и на мире в целом как предмете “экспертного” суждения. 3) Однако – и именно это говорят нам сторонники “истины” – легитимность факта (то есть то, что делает его “истинным”) в конечном счете проистекает из того, что находится *вне* этого процесса, а именно из реальности, которой он “соответствует”.

Тому, кто не научен таким хитростям (то есть не знаком с модусом “истины”), пункт 3) кажется совершенно произвольным выводом, если даны только пункты 1) и 2)» [Там же. С. 83].

Собственно, здесь С. Фуллер четко фиксирует то, о чем я писал во вводном разделе. Прелесть реализма в том, что экономисты конструируют реальность, а потом создают факты, которые подтверждают то, что их теория соответствует этой реальности. Поскольку

само понятие экономического — сравнения затрат и результатов является достаточно широким и гибким, то всегда возникают факты, которые подтверждают реальность, а диалектика и учет трансакционных издержек позволяют объяснить, почему со временем эта реальность и факты меняются. Как пишет О.Б. Кошовец: «Истина в рамках науки — это то, что является *нормой* ее функционирования. Она как бы отвечает за замкнутость данной системы и исключение из нее всего не истинного в гносеологическом смысле, т.е. не достоверного, не стремящегося к объективности и т.п. Если же научная коммуникация не стремится к истине или если деятельность ученых не проходит “под знаком истины”, то они не могут быть отнесены к системе науки, по крайней мере, их “научность” серьезно скомпрометирована» [Кошовец, 2008. С. 15–16]. При этом из сказанного выше должно быть понятно, что коммуникация происходит в узком кругу ученых, обладающих соответствующим этосом, вступающим в равноправный диалог с властью.

Сторонники постистины — дилетанты, эксперты, ученые — пытаются не только описать действующие способы конструирования, вовлекая «незамеченные» в данной реальности факты, но и предложить другие способы обсуждения, изменить дискурс. Как уже говорилось, иногда им это удается, и тогда это становится «истиной», соответствующей реальности «постправды», но чаще всего — нет. В экономических науках последнее происходит чаще всего, потому что исследователи пренебрегают указанными выше тремя правилами. Используя привычный дискурс, это объясняется тем, что исследователи-неудачники сосредотачиваются на «аномалиях», которые не укладываются в парадигмальное видение по Т. Куну или находятся за пределами основных научных исследовательских программ по И. Лакатосу.

Заканчивая данный раздел, следует подчеркнуть, что сам термин «постправда», как показал С. Фуллер, применяется экономистами, являющимися хранителями авторитетного дискурса, к характеристике ученых, пытающихся осуществить «оппортунистические», «ревизионистские» стратегии. Это — негативное клише, жупел. В свою очередь, «ревизионисты» в ответ говорят о своих оппонентах как о «сторонниках мейнстрима». Эти полемические ярлыки, однако, могут вводить в заблуждение. Мейнстрим доста-

точно широк, а «ревизионисты» могут использовать теории, которые были ортодоксией полвека или век назад. Но, как бы то ни было, шоки, которые поле экономической науки испытывает со стороны других полей в XXI в. — радикальное изменение геополитики (включая подъем BRICS), выборы в самой демократичной стране мира, где вместе с живыми в 2020 г. голосовали покойники, изобретение криптовалют, освоение технологий социального апартеида, легализующего неравенство прав — все это приводит к дальнейшему усилению фрагментации когда-то единой теории. А экономисты, которые конструируют новые реальности (например, «право и экономику», «экономику внимания», и т.д.), являются одними из главных инноваторов и революционеров периода четвертой промышленной революции.

РЕИФИКАЦИЯ И «СЛЕПЫЕ ПЯТНА» НОВЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Реификация — или, в марксистском дискурсе, «овеществление», или, в некоторых социологических теориях, «гипостазирование» — закрепление политико-экономических теорий в социальных практиках. Самый простой вариант реификации — это учетно-статистические процедуры. Так, с помощью записи в личных документах и отделах учета движения населения возникли классы крестьян и рабочих, прослойка интеллигенции (служащие), а также дискриминируемых «в переходном периоде» потомков «эксплуататорского» класса. Эта марксистская реальность периода второй промышленной революции, осуществлявшаяся в СССР, уже ушла в прошлое.

Вместе с четвертой промышленной революцией возникает ряд концепций, которые доходят до стадии реификации. Остановлюсь на некоторых из них.

Во-первых, это «оранжевая» экономика, возникшая в связи с предложенным Р. Флоридой концептом «креативного класса». В последний включаются ученые, часть предпринимателей, представители свободных профессий (включая художников, актеров, писателей) и т. д. [Флорида, 2011]. Перечень творческих, «креативных» видов деятельности достаточно широк. В соответствии с новой конвенциональной реальностью экономисты решили, что удельный вес добавленной стоимости «оранжевой» экономики, а также доля занятых в ней влияет как на темпы роста ВВП, так и на их качество [Саблин, Валиева, 2024]. Существует консенсус, дополненный и легитимированный в свое время Нобелевской премией, полученной П. Ромером, что развитие этого сектора определяет не только технологических лидеров, но и экономическое развитие в целом. Поэтому в альянсе с властями

во многих странах экономистами теперь разрабатываются меры поддержки и привлечения инвестиций в «оранжевую» экономику.

Следует отметить, что, несмотря на популярность, этот дискурс еще не стал полностью доминирующим: широкая российская публика во многом живет в прошлом, вспоминая о третьей, «научно-технической» революции 1960-х годов. Поэтому руководство зачастую использует прежние нарративы индустриализма, в рамках которой наука считалась «производительной силой»¹³. Так, вместо рассуждений об «оранжевой» экономике правительство в очередной раз пообещало увеличить расходы на науку и довести их к 2030 г. до 2% от ВВП¹⁴. Ко всему нужно привыкнуть. Один из признаков превращения концепта в социальную практику — предоставление брони от военной службы для специалистов, которые относятся к «креативному» классу. Это преимущество должно признаваться обществом легитимным. Пока, однако, такая бронь из всех работников данного сектора предоставляется только программистам.

Во-вторых, это «зеленая» энергетика и «зеленая», экологически чистая экономика. Эти концепты пока еще не совсем проработаны. С одной стороны, зеленая энергетика, связанная с использованием сил ветра, волн и солнца, а также других альтернативных источников, уже вошла в различные государственные программы, ее удельный вес в общей выработке энергии рассчитывается, поступает в международные организации и т.д. Экономисты широко оперируют соответствующими показателями.

С другой стороны, «зеленая» экономика предполагает заботу о полном жизненном цикле вещей, включая их утилизацию после периода полезной эксплуатации (cradle-to-grave). Таким образом, процесс утилизации должен закладываться еще на стадии проектирования различных товаров, оборудования, объектов инфраструктуры и других сооружений, при этом желательно, чтобы утилизация являлась началом нового производства и последующего

-
13. Несмотря на весь пафос этого выражения, советские экономисты и руководство осознавало ограниченность этой метафоры. Так, например, не ставились вопросы о ее оптимальном размещении, износе, пределах использования и т.п.
 14. Дмитрий Чернышенко: Бюджет на науку будет приоритизирован под задачи, поставленные Президентом. Правительство России, 28.07.2025. <http://government.ru/news/55775/> (дата обращения: 12.01.2026).

использования (cradle-to-cradle) [Браунгарт, МакДонах, 2020]. Но этот концепт еще далек от стадии реификации: подобное проектирование является редким даже в XXI в. Одна из важных нерешенных проблем — трудности утилизации и последующего использования оборудования, которое используется в альтернативных источниках получения энергии. Учитывая, что проект «зеленой» энергетики имеет важное политическое значение, уровень его реификации, как и попытки введения различных вариантов «углеродного налога» не должен удивлять.

В-третьих, это идея безусловного базового дохода (ББД), выдвинутая левыми социальными мыслителями в качестве основного политико-экономического лозунга нашего времени¹⁵. Здесь речь идет уже не столько об учетно-статистических, сколько об экономико-правовых процедурах. Посткапитализм — экономическое устройство общества, не использующего наемного труда.

Данная идея позволяет показать среди прочего, что *не является* реификацией. Так, концепт человеческого капитала, получивший широкое распространение и общее признание в экономической литературе, так и не прошел эту процедуру, оставаясь классификационной и расчетной категорией. Самый простой вариант — осуществить пересчет зарплаты (потока) через процедуру дисконтирования в капитал (запас). Другие варианты, например, связаны с расчетом человеческого потенциала на страновом уровне, используемым ЮНЕСКО. Но и то, и другое предполагает, что сохраняются и найм рабочей силы, и труд как отдельный фактор производства. Для того чтобы вместо труда появился капитал, очевидно, с работниками должны заключаться не трудовые договора, а контракты об инвестициях, совместной деятельности, аренде (следует отметить, что при желании можно представить трудовой договор как форму аренды капитала, используя изошранные диалектические процедуры).

Как ни странно, но контракты об использовании человеческого капитала можно встретить в специфической сфере индустрии развлечений — профессиональном спорте. Именно там игроков «продают и покупают, сдают в аренду». Но в целом это пока редкое исключение. Напротив, идея ББД действительно сокращает объем

15. См., например, [Срничек, Уильямс, 2019] и другие работы.

«труда за деньги», получение денег по праву гражданства в посткапиталистическом государстве. Попытки ее реализации, пусть и в качестве эксперимента на ограниченных территориях — это, конечно, реификация посткапиталистической реальности.

В свою очередь, после того как идея стала практикой, она перестает замечаться, акторы не рефлексируют. Привычный расчет ВВП в системе национальных счетов и классификация видов экономической деятельности — то, что принимается как данность. Обратной стороной реификации является появление «слепых пятен»: *других*, не замечаемых, не вписывающихся в данную реальность феноменов, а иногда и самих «забытых теорий». Одним из примеров таких «слепых пятен» является забытый ныне парадокс Солоу, первоначально обнаруженный Э. Бринолфссоном — в 1970–1980-е годы. Инвестирование фирмами в приобретение компьютеров *не приводило* к опережающему росту производительности по сравнению с теми фирмами, которые их не приобретали [Brynjolfsson, 1993]. Этому парадоксу предлагалось много объяснений, однако после того как сектор информационно-компьютерных технологий (ИКТ) выделили в отдельный вид деятельности, про него просто забыли. Продажи, занятость, производительность в этом секторе росли очень быстро, существенно быстрее, чем производительность в экономике в целом. Это, в свою очередь, может привести к неожиданному вопросу о том, не является ли часть этого роста своеобразным структурным «паразитизмом», изъятием добавленной стоимости из других секторов [Маццукато, 2021]. Другой вариант ответа — мы не умеем правильно считать ВВП в эпоху четвертой промышленной революции, поэтому традиционные методы счета показывают замедление темпов роста ВВП при условии роста удельного веса инвестиций в нематериальные активы [Хаскелл, Уэстлейк, 2024].

Все эти вопросы появились сравнительно недавно. И у М. Маццукато, и у Дж. Хаскелла — С. Уэстлейка нет воспоминаний о «парадоксе Солоу». Видимо, со временем должны появиться другие варианты реальности, основанные на компьютерной «постправде», которые, в свою очередь, приведут и к изменению методов измерения и регулирования этой деятельности. Учитывая технологии искусственного интеллекта, она теперь неотделима от большей части направлений развития «оранжевой» экономики.

НЕОБХОДИМАЯ РЕМАРКА. ПОЧЕМУ ДАННАЯ РАБОТА ОТНОСИТСЯ К ЖАНРУ «ПОСТПРАВДЫ»?

Ситуация «постправды» возникает как результат отрицания предъявляемых результатов авторитетным сообществом: при этом признается, что эти результаты правдоподобны, но неверны. Важной характеристикой является также отрицание того способа обсуждения — дискурса — в рамках которого они получены, и подтверждения легитимности прежних авторитетных дискурсов. 22.01.2026 г. в стенах Института экономики был семинар, где обсуждалась презентация данной работы, и этот семинар можно рассматривать как своего рода «субъективистский эксперимент», где я был полноправным актором «научной сети» участников обсуждения¹⁶.

Приведу основные мнения, прозвучавшие в ходе дискуссии на семинаре:

- автор придерживается неправильной, уже давно отвергнутой научным сообществом философии и не может ответить на вопрос, что такое «реальность», как не может предъявить и критерий истинности своих суждений. Объективная, независимая от сознания, реальность *существует* — и экономисты в меру своих сил и понимания — стараются ее понять и приблизиться к истине. Обсуждать можно — и нужно — только *образы* реальных объектов, которые формируются у субъектов, никакую «реальность» ученые сконструировать не могут. Другими словами, исследователи пишут статьи, в которых предъявляют свое понимание экономики, это в лучшем случае может повлиять на субъектов, которые действительно принимают решения, не более того;

16. В качестве модератора семинара выступал А.Я. Рубинштейн, которому я выражаю признательность за поддержку в проведении полноценного обсуждения.

Необходимая ремарка. Почему данная работа относится к жанру «постправды»?

- выбор экономистов и философов, на работах которых автор пытается продемонстрировать методы конструирования онтологий, является субъективным и не отражает истинной иерархии научных авторитетов. Работа философа Н. Розова никак не связана с достижениями Д. Норта, Д. Аджемоглу и Д. Робинсона, в которых *доказывается* существование экстрактивных и инклюзивных институтов, а также Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, описавших институты открытого и ограниченного доступа. Оба этих авторских коллектива доказали связь типов институтов с характером и темпами экономического развития. Работа О.С. Сухарева не репрезентирует выбора политиков между национализацией и приватизацией. А.А. Зиновьев является слабым философом и плохим марксистом, он скорее антимарксист;
- отдельно было отмечено, что автор не знает неомарксистов, которые неразрывно связывают тему эксплуатации со справедливостью, а последняя вообще является важнейшей категорией для построения институционального дизайна, как на национальном, так и на глобальном уровнях. Описание работы О.О. Комолова является излишней частностью, так как этот ученый еще не обладает необходимым авторитетом;
- споры об отношении сознания к материальной реальности и важности научного мировоззрения, позволяющего объяснить закономерности развития капитализма, велись российскими марксистами еще в начале XX в., автор просто искажает постановку вопросов, решение которых было предложено еще С. Булгаковым и А. Богдановым.

Таким образом, по мнению коллег, в работе имеются все признаки «постправды» по С. Фуллеру: произвольное вовлечение в оборот концепций, не имеющих существенного значения (другими словами, неверные, «несуществующие и несущественные» факты), искажение реальной истории мысли, игнорирование важных современных теорий, противоречащих его концепции, предложение абсурдного способа обсуждения (дискурса), противоречащего существующим представлениям о порядке и цели научных исследований в экономических науках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Естественно, предыдущий раздел, описывающий успешный эксперимент, подтверждающий то, что данный материал соответствует концепции постистинности по Фуллеру, приводит читателя в условия «парадокса лжеца», который любил К. Поппер. Другими словами, если бы коллеги не критиковали, а одобрили бы основные положения доклада на семинаре, то они точно так же подтвердили бы верность «постправды», как и в случае ее отрицания. Именно так, как я пытался показать выше, экономисты и конструируют свои реальности.

Здесь стоит еще раз подчеркнуть разницу в подходах методолога и экономиста. Рассматривая ту или иную концепцию как *экономист*, я пытаюсь понять, с чем я в ней согласен, а с чем — нет. В ходе этого анализа могут оказаться важными самые разные характеристики — от методики отбора и интерпретации исторических и статистических фактов до акцента на тех или иных моральных ценностях. Отвергая концепцию, я противопоставляю один набор аргументов другому, и точно так же, как и мои оппоненты, говорю, что эти возражения «объективны» и «истинны», никак не апеллируя к философским коннотациям этих слов. В конечном счете всегда побеждает «мейнстрим»: простое большинство совпадающих авторитетных суждений в рамках рассматриваемой проблемы (замечу, что такую конвенцию нет смысла рассматривать в координатах (не) истинности — рано или поздно большинство может радикально изменить свою точку зрения). И *по большей части* экономическая политика государства реализуется в рамках конвенций большинства, а не меньшинства.

В свою очередь, задачей *методолога*, как я ее понимаю, является демонстрация хода рассуждений, которые являются осно-

ванием для той или иной концепции. Здесь нет вопроса о том, согласен я с ней или не согласен — и почему. Если использовать деление методологии на нормативную и позитивную, введенную В.С. Автономовым, то я, конечно, отношусь к «позитивной» части, однако к задаче «объяснить методологически невинным Журденам, что на самом деле они говорят прозой и заслуживают за это полного уважения» [Автономов, 2004. С. 12] отношусь скорее отрицательно — в этом действии я не вижу особого смысла. Становиться же на позицию нормативной методологии означает, на мой взгляд, вообще переход на позицию экономиста — с последующим механизмом оценки рассматриваемых концепций, описанным выше.

Выявление оснований и механизмов построения реальности методологами, кроме популяризации тех или иных теорий, важно для понимания модальной власти экономистов. Если угодно, тем самым методолог достигает понимания «пределов возможного» в будущей трансформации экономики. Как уже говорилось, экономисты являются не меньшими новаторами в своей сфере, чем ученые в других дисциплинах. Используемые и предлагаемые экономистами модели через процедуры реификации становятся социальными практиками — это обстоятельство замечается сообществом только в случаях крупных институциональных реформ, осуществляемых правительством, но, на мой взгляд, последствия творческой активности коллег гораздо шире. Так, как уже указывалось, через концепт эксплуатации можно добиться делегитимации политического порядка и, напротив, доказать, что ограничения свободы выбора места работы и жительства для молодых учителей и врачей являются справедливыми и соответствуют общественным интересам. Напротив, у другой части экономистов в реальности законы рынка являются законами природы, бюрократия существует для того, чтобы размножаться, а членам правительства предписывается вести себя подобно официантам в ресторане — и такой порядок становится целью институционального строительства.

Я не согласен с тем, что методологи должны сосредоточиться на анализе взглядов только тех экономистов, чей вклад в научное знание является общепризнанным. Дело в том, что в арсенале таких ученых имеется богатый, зачастую избыточный арсенал инструментов, с помощью которых конструируется очень сложная, красоч-

ная реальность. Напротив, в работах экономистов с относительно высоким индексом цитирования, но не написавших «эталонных» работ, обычно применяется небольшой набор методов, создающих «простой», понятный объект. Как раз в последнем случае возникают устойчивые конвенции, которые и становятся мейнстримом. Можно сказать, что многие экономисты пропускают гениальные, сложные работы своих коллег через своеобразный фильтр, — и то, что потом становится *популярной интерпретацией*, имеет самые большие шансы превратиться в инновацию.

Любая инновация, не только техническая, но и социальная, ведет и к положительным, и к отрицательным эффектам. Последние обнаруживаются «задним числом», поскольку, если баланс издержек и выгод был бы отрицателен, такую инновацию не одобрило бы само экономическое сообщество, будь то «эксперты», будь то «ученые». Например, вошедший в оборот концепт безусловного базового дохода мне представляется весьма опасным, существенно меняющим границы возможного (здесь стоит напомнить о длительных — и до сих пор не законченных — дискуссиях вокруг такой новации, как минимальный размер оплаты труда, о его положительных и отрицательных влияниях на функционирование рынка рабочей силы). Пока ББД еще не стал мейнстримом, но, на мой взгляд, отношение к нему как к «очередной кабинетной утопии» является чересчур оптимистичным [Капелюшников, 2020].

Наконец, о «слепых пятнах» методолог может сказать только то, что они есть всегда. Но рассматривая «чужие» реальности, почти невозможно их обнаружить — для этого методолог должен перейти на позицию экономиста, занять позицию актора, включенного в «другую сеть» из актантов и акторов. Этот субъективный опыт описания феномена «за рамками» может оказаться весьма скандальным и неубедительным, но, к счастью, плюрализм реальности XXI в. допускает такие возможности. Например, наряду с появившейся после четвертой промышленной революцией реальностью креативной, «оранжевой» экономики существуют работы, в которых демонстрируется трансформация современного государства — в частности, оно теряет монополию на насилие, а количество занятых в сфере охранной деятельности во многих странах начинает превышать количество полицейских [Кревельд ван, 2016]. «Медицинские факты», на которые опирается

российское экспертное сообщество – это объем занятости в объеме 700 тыс. человек (частные охранные организации и ФГУП «Охрана»), которые удовлетворяют рыночный спрос на охранные услуги в объеме 120 млрд руб. Простой пересчет этих двух фактов означает, что работники охранных организаций получают зарплату, которая должна быть меньше 14 тыс. руб. в месяц (2022 г.). Реконструкция этой реальности с точкой отсчета оплаты труда «среднероссийского» полицейского в 50 тыс. руб. (и при этом МВД испытывает острый дефицит кадров¹⁷) дает консервативную оценку рынка в 1015 млрд руб., а с учетом нелегализованных работников (не учитываемых Росгвардией), занятость следует увеличить в 2 раза, что даст и соответствующее увеличение объема рынка до 2 трлн руб. Таким образом, занятость в этом, динамично растущем секторе существенно превышает такую часть российской «оранжевой экономики», как работники сферы НИОКР – по данным Росстата, их численность в 2022 г. составляла 887,7 тыс. человек [Ореховский, 2024].

Размышления над этой «параллельной реальностью» могут привести к неприятным вопросам в стиле перевернутой логики Г. Беккера, сколько должно быть преступников в расчете на такое количество охранников, чтобы затраты на охрану были рентабельными и где «границы возможного» в этом случае.

Это, естественно, уводит сильно далеко от основной идеи данной работы. Последняя же достаточно банальна – несмотря на всю привлекательность единой экономической теории, объясняющей закономерности функционирования индустриализма будь то в варианте «общества благосостояния», будь то в варианте «ковбойского капитализма» [Герземанн, 2006], попытка воссоздать «этот добрый старый мир» будет обречена на неудачу. Отказ от сложившегося плюрализма – это не просто отказ от «ошибочных теорий» и «плохой философии» во имя сохранения «научного этоса» – это отказ от конкуренции и лишение самих себя права на выбор. Требование частью научного сообщества легитимности своей монополии на истину было вполне респектабельным еще в XX в., но в обществе спектакля XXI в. пафос такой претензии становится все более смешным.

17. Шаранов В. Раскрыта неожиданная причина дефицита кадров в МВД. LENTA.RU. <https://lenta.ru/news/2026/01/28/defitsit-kadrov/> (дата обращения: 30.01.2026).

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2004). За что экономисты не любят методологов // Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики». С. 11–16.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Акофф Р. (1985). Планирование будущего корпорации. М.: Прогресс.
- Бегельсдайт Ш., Маселанд Р. (2016). Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Бенда Ж. (2009). Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009.
- Бир Ст. (1963). Кибернетика и управление производством. М.: Наука, 1963.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
- Браунгарт М., МакДонах У. (2020). От колыбели до колыбели. Меняем подход к тому, как мы создаем вещи. М.: Ad Marginem, 2020.
- Бурдье П. (2017). Homo academicus. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017.
- Вайс Х. (2021). Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. М.: ИД Высшей школы экономики, 2021.
- Веллен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
- Веллен Т. (2007). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 10–32.
- Вольчик В.В., Кот В.В. (2025). Реформы: фактор идеологии в свете российских научных публикаций // Вопросы теоретической экономики. № 4. С. 20–35. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_20_35.
- Герземанн О. (2006). Ковбойский капитализм. Европейские мифы и американская реальность. М.: ИРИСЭН.
- Гуревич А. (2014). Исторический синтез и школа «Анналов». М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга.
- Даймонд Д. (2023а). Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М.: АСТ.
- Даймонд Д. (2023б). Послесловие 2017 г. Проблема богатых и бедных стран в свете некоторых аспектов книги “Ружья, микробы и сталь” // Даймонд Д. (2023). Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М.: АСТ. С. 694–716.

- Дебор Г. (2000). Общество спектакля. М.: Лоуор (Радек), 2000.
- Зиберт Х. (2005). Эффект кобры. Как избежать заблуждений в экономической политике. М.: Новое изд-во, Фонд Либеральная миссия.
- Зиновьев А.А. (1980). Коммунизм как реальность. Электронная библиотека RoyalLib.com. https://royallib.com/read/zinovev_aleksandr/kommunizm_kak_realnost.html#245760.
- Зиновьев А.А. (2002). Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: Институт философии РАН.
- Капелюшников Р.И. (2020). Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? // Вопросы экономики. №8. С. 95–127. DOI:10.32609/0042-8736-2020-8-95-127.
- Кламер А. (2015). Странная наука экономика. Приглашение к разговору. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара, Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.
- Комолов О.О. (2024). Неэквивалентный обмен как фактор воздействия на экономическое развитие России // Вестник Института экономики Российской академии наук. №4. С. 47–64. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_4_47_64.
- Кошовец О.Б. (2008). Эксперт и воспроизводство научного знания // Экономика как искусство. Методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях / отв. ред. О.И. Ананьин. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 210–249. Источник: ИНП РАН. <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/pub/ko01.pdf>. С. 1.
- Кошовец О.Б. (2023). Математизация экономического знания: от следования естественнонаучному стандарту к доминированию формальных онтологий // Кошовец О.Б. (2023). Образы экономической реальности в науке, политике и публичном пространстве: тенденции XXI века. М.: ИЭ РАН, 2023. С. 86–129.
- Кошовец О.Б., Ореховский П.А. (2018а). Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке // Общественные науки и современность. №5. С. 143–157.
- Кошовец О.Б., Ореховский П.А. (2018б). Дискурс «экономики» против дискурса «экономической системы»: от осмысления реальности к производству смыслов // Общественные науки и современность. №6. С. 133–158.
- Кошовец О.Б., Фролов И.Э. Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки и возможность построения научно-реализуемой онтологии // Теоретическая экономика: онтология и этика: Сб. / Под ред. О.И. Ананьиной. М.: ИЭ РАН, 2013. Источник: ИНП РАН. <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/pub/frol10.pdf>.

- Кревельд М. ван.* (2016). Расцвет и упадок государства. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум.
- Латур Б.* (2014). Пересборка социального: введение в актарно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ.
- Латур Б.* (2024). Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Ленин В.И.* (1958) Материализм и эмпириокритицизм / Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. М.: Политиздат. С. 7–384.
- Либерта А. де.* (2025). Средневековое мышление. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Мальцев А.А.* (2018). Диаспора экономистов и российская экономическая наука: в поисках точек соприкосновения // Вопросы экономики. №4. С. 129–148.
- Маркс К.* (2011). К критике политической экономии. М.: КД «Либроком», 2011.
- Маркс К., Энгельс Ф.* (1960). Сочинения. Т. 23. М.: Госполитиздат.
- Маццукато М.* (2021). Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. М.: ИД ВШЭ, 2021.
- Менис Г.* (2001). Технологический пат: инновации преодолевают депрессию. М.: Экономика, 2001.
- Мертон Р.* (2006). Самоосуществление пророчества // Мертон Р. (2006). Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: МОСКВА ХРАНИТЕЛЬ. С. 605–626.
- Моисеев Н.* (1981). Математические задачи системного анализа. М.: Наука.
- Негри А.* (2024а). Учреждающая власть. Трактат об альтернативах нового времени. СПб.: Владимир Даль.
- Негри А.* (2024б). Коммунистическое желание и реставрация диалектики // Негри А. (2024). Учреждающая власть. Трактат об альтернативах нового времени. СПб.: Владимир Даль. С. 580–688.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* (2011). Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Олсон М.* (1995). Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы.
- Ореховский П.А.* (2011). Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора // Вопросы экономики. №5. С. 75–88.
- Ореховский П.А.* (2013). Однородность потребительских предпочтений: существует ли кривая спроса? // Вопросы регулирования экономики. 2013. Т. 4. №4. С. 60–72.

- Ореховский П.А. (2015). Структура поля экономического знания: возможности и пределы общественных дискуссий // *Общественные науки и современность*. 2015. №1. С. 5–23.
- Ореховский П.А. (2024). Охранные услуги: ведущий сектор «новой экономики»? // *Journal of Economic Regulation*, 15(2). С. 93–107. DOI: 10.17835/2078-5429.2024.15.2.093-107.
- Ореховский П.А., Разумов В.И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром // *AlterEconomics*. Vol. 22. No. 1. Рр. 40–53. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4.
- Ортега-и-Гассет Х. (2016). Восстание масс. М.: АСТ.
- Попов Е.В. (2015). Институты. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН.
- Поппер К. (1983). Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
- Розов Н.С. Кризис высшей школы или стагнация? От гуманитарных метафор и публицистики к веберовской политической социологии // *Идеи и идеалы*. 2020. Т. 12. №4. Ч. 1. С. 99–112. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-99-112.
- Саблин К.С., Валиева О.В. (2024). Креативные индустрии в современной экономике: определение, подходы к измерению // *Вопросы теоретической экономики*. 2024. №3. С. 7–18. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_31_49.
- Сагден Р. (2012). Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке // *Философия экономики* / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара. С. 475–518.
- Сен А. (2016). Идея справедливости. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Скрутон Р. (2021). Дураки, мошенники, поджигатели: Мыслители новых левых. М.: ИД ВШЭ, 2021.
- Соколов М., Титаев К. (2013) Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*. №19. С. 239–275.
- Срничек Н., Уильямс А. (2019). Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
- Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Сухарев О.С. (2015). Институциональная теория приватизации – национализации активов // *Журнал институциональных исследований*. Т. 7. №1. С. 59–78. DOI: 10/17835/2076-6297/2015/7/1/059-078.
- Сэмюелс У. (2015). «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании реальности // *Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке* / редкол.: В.С. Автономов (гл.ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.В. Мельник (отв. секр.) и др. М.: ИД Высшей школы экономики, 2015. С. 13–30.

- Тамбовцев В.Л. (2018). Какая экономическая методология может быть интересна экономистам? // Экономическая теория: триумф или кризис? / Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: АНО МЦСЭИ Леонтьевский центр. С. 104–116.
- Фассел П. (2021). Класс. Путеводитель по статусной системе Америки. М.: ИД ВШЭ, 2021.
- Фейерабенд П. (2007). Против метода: очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, Хранитель, 2007.
- Флигстин Н., Макадам Д. (2022). Теория полей. М.: ИД ВШЭ.
- Флорида Р. (2011). Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М.: ИД «Классика XXI».
- Франк Г. (2020). За пределами денег и информации: экономика внимания // Цифровая экономика. №2(10). С. 45-51.
- Фуко М. (1997). История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, Рудомино.
- Фуко М. (2015). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- Фуллер С. (2021). Постправда: Знание как борьба за власть. М.: ИД ВШЭ.
- Харман Г. (2018). Имматериализм. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Хаскелл Дж, Уэстлейк С. (2024). Капитализм без капитала: подъем нематериальной экономики. М.: ИД ВШЭ.
- Шматко Н.А. (2011). «Научная революция» в экономике // Символическая власть: социальные науки и политика / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Университетская книга. С. 186–224.
- Шмитт К. (2007). Теория партизана: промежуточное замечание к понятию политического. М.: Праксис.
- Шумпетер Й. (2012). Наука и идеология. // Философия экономики. Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 247–264.
- Энгельс Ф. (1929). Диалектика природы. М., Ленинград: Гос. изд-во, 1929.
- Энгельс Ф. (1983). Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. М.: Государственное изд-во политической литературы.
- Юрчак А. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.
- Brynjolfsson E. (1993). The productivity paradox of information technology // Communication of the ACM. Vol. 36. Iss. 12. Pp. 66–77. Association of Computing Machinery. DOI: 10.1145/163298.163309.
- Wallis J., North D. (1986). Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 // Long-term factors in American Economic Growth / S. Engermann, R. Gallman (eds.). Chicago. Pp. 95–161.

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

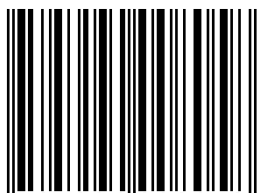
П.А. Ореховский

**ПОСТПРАВДА: КАК ЭКОНОМИСТЫ
КОНСТРУИРУЮТ РЕАЛЬНОСТЬ**

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*
Редактор – *Полякова А.В.*
Компьютерная верстка – *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 23.04.2026 г.
Заказ № 31. Тираж 300. Объем 2,9 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0805-8

9 785994 008058 >